

Людмила

детективный роман

МАРТОВА

Искусство
требует
жертв

КАЖДОМУ
ПО ЗАСЛУГАМ

Желание женщины

Людмила Мартова

Каждому по заслугам

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мартова Л.

Каждому по заслугам / Л. Мартова — «Эксмо»,
2024 — (Желание женщины)

ISBN 978-5-04-199679-6

В тихом уютном городе происходит ряд неожиданных событий. Ночью в сквере найден молодой человек, полностью обескровленный. А утром совсем недалеко от того места обнаружили украденную много лет назад картину известного художника. Но это, оказывается, только верхушка айсберга. Что на самом деле произошло? С этим придется разобраться следователю Михаилу Зимину и фотографу Анне Бесединой. Увлекательность, легкий стиль, узнаваемые женские образы — отличительные черты романов Людмилы Мартовой. На фоне захватывающей детективной интриги автор в легкой доступной форме непринужденно разбирает непростые житейские ситуации, в которых может оказаться любая читательница, и ненавязчиво подсказывает пути выхода из них.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199679-6

© Мартова Л., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	36
-----------------------------------	----

Людмила Мартова

Каждому по заслугам

© Мартова Л., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Редактор серии А. Антонова

Оформление серии Я. Клыга

* * *

Все события вымышлены.

Любые совпадения случайны.

Цок-цок-цок...

Стук когтей по паркету нахально врвался в сон, норовя прогнать его совсем. Это было некстати, потому что Нюсе снилось море. Яркое солнце заливало лагуну, в которой лениво дремали поставленные на прикол яхты и катера, отсвечивало от воды, пуская множество бликов, режущих глаза и заставляющих прищуриваться, чтобы в одночасье не ослепнуть.

Мачты, надеясь пронзить небо, лихо рвались ввысь, впрочем, быстро сдаваясь. Недостигаемое небо лишь смеялось над ними, разгоняя своей улыбкой облака, разбегающиеся в разные стороны, словно морщинки у глаз. Море и небо казались явно мудрее покачивающихся у причала яхт, кичливых и поскромнее. В отличие от последних они были вечными, а потому хорошо знали цену кичливости и скромности, богатству и бедности, добру и злу.

Кадр был выстроен идеально. Если зафиксировать его фотокамерой, получившийся снимок будет произведением искусства, практически шедевром.

Море чуть слышно било по бортам доверившихся ему яхт, напоминая, что оно тут главное. Может казнить, может миловать. Внутри своего сна стоящей на причале Нюсе ужасно хотелось поплавать, но ни направо, ни налево, насколько хватало взгляда, не было видно ни пляжа, ни просто полосы песка, чтобы войти в воду. Причалы и яхты тянулись вдоль кромки моря, и Нюся изнывала от жары и сожаления, что искупаться, похоже, не получится. А еще из-за того, что в ее руках не было фотоаппарата.

Цок-цок-цок...

Досадуя, что пляж так и не найдется, она распахнула глаза, пару раз моргнула, привыкая к полной темноте, и тут же почувствовала, как мокрый нос требовательно ткнулся ей в щеку. Нюся была уверена, что, проснувшись, даже не шелохнулась, лишь распахнула ресницы, но собака откуда-то знала, что девушка уже не спит. Нюся вздохнула и потянула с прикроватной тумбочки телефон, чтобы посмотреть на часы. Половина второго ночи.

– Тобик, давай спать, – пробормотала она жалобно, понимая, что уговоры вряд ли помогут.

К разбужившему ее цоканью, вызванному тем, что пес ходит из комнаты в комнату, прилежало еще пыхтение, и все это, вместе взятое, означало, что Тобику среди ночи опять понадобилось в туалет. Конечно, сделанное открытие вполне можно было проигнорировать, перевернуться на другой бок и уснуть, смирившись с тем, что утром придется убирать наваленную на кафельном полу кухни кучку, но к стуку лап и пыхтению добавилось еще и едва слышное поскуливание.

Тобик был интеллигентной собакой, сделать кучу в квартире мог себе позволить только от полной безысходности и потом очень стыдился и страдал. Мучить собаку не хотелось. Тяжело вздохнув, Нюся спустила ноги с кровати. Пес тут же закрутился юлой, радуясь ее понятливости и тому, что позор отменяется.

Август в этом году выдался жарким. Словно в насмешку над всеми народными приметами, уже после Ильина дня на город упала тридцатиградусная жара. Даже сейчас, ночью, столбик термометра показывал плюс двадцать четыре градуса, но переодеваться не хотелось, поэтому Нюся просто натянула поверх пижамы бархатный спортивный костюм, надеясь, что не успеет вспотеть.

– Пошли, оглоед, – мрачно сказала она, пристегивая поводок, и широко зевнула.

Исчезнувшего вместе со сном моря было жалко, потому что в нынешних реалиях оно ей могло только сниться. Ох уж этот Тобик. Засунув в карманы штанов телефон и ключи, Нюся вышла из квартиры, спустилась по лестнице, чтобы не громыхать в ночной тиши лифтом, который в их подъезде был с норовом, толкнула дверь и оказалась на крыльце, с неожиданным удовольствием вдохнув ночной воздух, вкусно пахнувший скошенной травой и по сравнению с дневным пеклом казавшийся свежим.

Их двор этим летом ремонтировали, и на данном этапе он был засыпан щебнем, покрупнее на проезжей части и помельче на тротуаре. В наспех натянутых на босу ногу кроссовках ей было вполне комфортно, но бедный Тобик неуклюже ковылял, поскольку острая щебенка впивалась в подушечки лап. Изверги, и когда уже закончат.

– Пойдем, Тобик, – пробурчала она и потянула мающуюся собаку к выходу со двора.

Там, перед находящейся в соседнем здании гостиницей, был разбит небольшой скверик. Выгуливать в нем собак строжайше запрещали, но идти куда-то посреди ночи Нюсе было лень, да и страшновато. Добравшись наконец до травки, Тобик уселся враскорячку, виновато глядя на Нюсю снизу вверх. Мол, ты прости, но сама видишь, как приспичило. Сделав свои дела, потянул дальше. Нюся, по опыту знавшая, что одним приседанием дело не ограничится, покорно пошла следом, давая завлечь себя в кусты.

Вообще-то Тобик, степенный и уже довольно пожилой спаниель, вовсе не ее собака. Она приглядывала за ним по просьбе его хозяина Толика, когда тому нужно было куда-то отлучиться с ночевкой. Тобик не мог оставаться один в темное время суток – сразу начинал выть, что, разумеется, не нравилось соседям. Толик – одноклассник, а позже однокурсник – был в жизни Нюси явлением постоянным, с того момента, как они пошли в первый класс, и никакие периодически возникающие хоть рядом с ним, хоть рядом с ней переменные ничего в этом раскладе не меняли.

Периодически Толик подкатывал к Нюсе вполне по-взрослому, а однажды даже сделал ей предложение, которое она с ходу отвергла, пообещав вернуться к этому вопросу после тридцати и при условии, что за это время не выйдет замуж ни за кого другого. На их дружбу отказ не повлиял, и Толик по-прежнему регулярно появлялся на пороге Нюсиной квартиры с вином, фруктами, пиццей или набором суши, потому что терпеть не мог есть в одиночестве. С той же завидной регулярностью он подкидывал ей Тобика. Против пса Нюся не возражала, вот только ночные прогулки не приветствовала. К счастью, животом старина Тоби маялся не часто, от силы пару раз в год.

По тротуару, едва видному из-за разросшихся кустов, мелькнула тень. Нюся напряглась, потому что гулять в ночи все-таки опасалась. Старенький и миролюбивый Тобик вряд ли мог служить надежной защитой. Привыкшие к темноте глаза быстро распознали, что фигура на тротуаре – женская, и в следующий момент Нюся ее узнала.

С этой немолодой женщиной, почти старухой, она периодически сталкивалась на улице или в магазине, поскольку та жила в одном из соседних домов. В каком именно, Нюсе было неизвестно. Она давно обратила на незнакомку внимание, потому что у той были красные, но сухие глаза, словно она плакала так сильно, что у нее закончились все слезы. Еще она странно двигалась, приволакивая ноги, а углы рта у нее были поражены довольно сильными и практически никогда не проходящими заедами.

В общем, смотреть на женщину было неприятно, и Нюся всегда отворачивалась, считая встречу плохим предзнаменованием. Не то чтобы она была слишком уж суеверной, но в существование каких-нибудь знаков верила. Пару раз, после того как она сталкивалась с незнакомкой, у Нюси слетали заказы, а еще один раз она подвернула ногу и потом несколько дней хромала.

Было это в середине мая, и с тех пор неприятную даму она не встречала, и вот, пожалуйста. И что, спрашивается, она делает ночью на пустынной улице? Куда это ей могло понадобиться? Тобик в очередной раз присел, морда его выражала страдание. Их обоих, неподвижно застывших в кустах, не было видно с тротуара, а потому красноглазая незнакомка прошла мимо, не заметив ни Нюсю, ни собаку. В руках у нее был небольшой бидон.

Последний раз Нюся видела подобное творение советской хозяйственной мысли в квартире умершей прабабушки. Жилье готовили к продаже и выносили на помойку кучу старого хлама, в том числе такой эмалированный бидон, предназначение которого Нюсе было неясно. Мама объяснила, что в ее детстве с такими бидонами ходили за квасом или разливным молоком. Нюся попыталась это представить и не смогла. И вот сейчас неприятная незнакомка идет с бидоном по тротуару в половине второго ночи. Странно, очень странно.

Тобик, вздохнув, прошептал дальше, и Нюся пошла за ним, размышляя, может подобная встреча считаться плохим предзнаменованием или нет. В конце концов, они же не столкнулись лицом к лицу, и незнакомка вообще ее не видела. Может, и пронесет. Главное – смотреть сейчас под ноги.

Скверик, по которому они шли, был разбит на небольшие разноуровневые квадраты, отделяемые друг от друга бетонными блоками. Поднявшись на второй уровень по небольшой лесенке, Тобик снова присел, после чего потянул Нюсю вперед и вниз, быстро перебирая лапами. Видимо, скрутивший его приступ близился к концу. Вот и хорошо, значит, можно возвращаться домой и ложиться спать.

Спустившись в последний квадрат сквера, Нюся потянула за поводок, давая псу сигнал, что хорошего понемножку. Тот же сунулся под пышный куст, пролез под ветками, натягивая поводок в струну, и вдруг на мгновение замер и тут же завыл. Господи, боже ты мой, это еще что за новости!

Лезть в заросли, разумеется, не хотелось, поэтому Нюся, стараясь не выпустить из рук впивающийся в ладонь натянувшийся брезентовый поводок, обошла куст кругом и чуть не упала, споткнувшись о что-то крупное, белеющее в темноте на давно не кошенной траве. Не хватало еще, чтобы встреча с красноглазой незнакомкой опять привела к травме.

С трудом удержавшись на ногах и злобно окликнув Тобика, из-за которого она оказалась среди ночи на улице, Нюся вытащила из кармана телефон, включила фонарик, чтобы рассмотреть, обо что именно споткнулась, и замерла. Под ветками пышного куста в траве лежал мужчина. И по тому, КАК он лежал, Нюся сразу поняла, что перед ней труп.

Профессиональное чутье взяло верх над женским любопытством. Оттащив в сторону Тобика, переставшего выть, но застывшего от ужаса, она обмотала поводок вокруг дерева неподалеку, вытащила из кармана телефон и начала быстро снимать, автоматически выстраивая композицию в кадре. Лежащий в кустах мужчина был ей незнаком. На вид он казался молодым, лет тридцати-тридцати двух, не больше. Нюся обратила внимание на его белеющее в темноте лицо – без единой кровинки, словно вылепленное из алебаstra.

Она щелкала и щелкала камерой и остановилась только тогда, когда сделала не менее ста снимков. Все-таки она хороший фотограф, почему и расценки держит выше средних по городу, но заказы при этом все равно расписаны чуть ли не на год вперед, позволяя вести именно тот образ жизни, который Нюся хотела. И только закончив съемку, она позвонила в полицию.

С приехавшей опергруппой пришлось провести не меньше часа. Нюся послушно повторяла, отчего оказалась ночью на улице и как именно нашла труп. Подтверждающий чистосердечность ее показаний Тобик по-прежнему сидел, привязанный к дереву, и мелко дрожал.

– Это еще что такое? – Пожилой мужчина-криминалист нагнулся и поднял что-то с земли.

Нюся увидела пакетик куриных твистеров – лакомство для собак, которое обычно бралось на прогулку с Тобиком, чтобы награждать его за хорошее поведение и выполнение нужных команд. Конечно, выходя по нужде ночью, она не думала брать его с собой, но, видимо, в кармане завалялось и выпало, когда она наклонялась над трупом.

– Это наше, – сказала она со вздохом. – Мы всегда с собой носим. Собачья радость.

Криминалист вздохнул, картинно закатив глаза. Нюся в очередной раз убедилась, что обычным людям ни за что не понять собачников.

– Ну что тут у тебя? – К криминалисту подошел следователь, и тот отвлекся от Нюси, протянув ей пакетик, который она сунула в карман спортивного худи.

Карман был на животе и смешно оттопыривался, как будто Нюся была беременная. И зачем она вообще прихватила с собой этот корм, не просто бесполезный, а даже вредный при собачьем поносе? Не в себе была спросонья, не иначе.

– А у меня тут странное, – хмуро ответил криминалист. – По ходу из этого парня кровь выкачали.

Сопровождающий следователя оперативник, представившийся Константином Малаховым (Нюся запомнила), длинно присвистнул.

– После смерти выкачали или при жизни, а от этого он, бедолага, и скончался? – уточнил следователь. – Причина смерти-то какая?

– А это я после вскрытия скажу. – Криминалист покачал головой: – Яремная вена у него перерезана, но так аккуратно, что практически никакой крови вокруг. Такое чувство, что ударили чем-то острым и тут же какой-то сосуд подставили.

– А может, его в другом месте убили, а сюда уже потом привезли?

– Может, – теперь криминалист пожал плечами. – Но следов волочения тела на траве вокруг нет. Впрочем, и отпечатков ног тоже нет. И вообще никаких следов.

Тут они обнаружили внимательно слушающую Нюсю, у которой, кажется, уши сдвинулись на макушку от любопытства, и замолчали. Следователь сделал знак, и оперативник Константин послушно двинулся в ее сторону, взял за локоток, отвел к дереву, под которым маялся Тобик. Свободолюбивая Нюся руку демонстративно высвободила.

– Вы, Анна Валентиновна, можете идти, – сказал Константин задушевным голосом. – Адрес и телефон ваш у нас есть, так что мы с вами еще обязательно встретимся и поговорим. А пока ведите вашу собачку домой, а то вы обе, наверное, устали. Да и утро уже скоро. Выспаться не получится.

– Ну, вам, положим, тоже выспаться не удастся, – ответила Нюся и широко зевнула, потому что спать действительно хотелось.

Придя домой, она отцепила с поводка все еще дрожавшего Тобика, стащила спортивный костюм и залезла под одеяло. Тобик тут же пристроился рядом. Вообще-то ему категорически запрещалось залезать на кровать, но пес сегодня перенес стресс, поэтому Нюся решила, что в небольшом отступлении от правил не будет ничего страшного, погрузила пальцы в шелковистую собачью шерсть и тут же уснула.

«Интересно все-таки, кто этот убитый парень?» – такой была ее последняя мысль перед тем, как провалиться в сон.

После пережитого потрясения ей снилось не море, а незнакомка с сухими красными глазами и бидоном в руке. Внутри сна она поворачивалась к Нюсе, начиная громко хохотать, широко разевая рот с заедами в уголках губ, а потом резко срывала крышку бидона, протяги-

вала его Нюсе, показывая содержимое. Та не хотела смотреть, но против воли все-таки посмотрела и отпрянула в ужасе. Бидон был до краев полон крови. Густая и вязкая, она тяжело плескалась внутри.

* * *

Утро Насти Пальниковой началось так же, как каждое утро в последние несколько лет – с острого чувства счастья. Оно накрывало ее каждый раз, когда она просыпалась в квартире Дениса Менделеева, своего друга, возлюбленного и гражданского мужа.

Точнее, это была их, Дениса с сестрой, квартира, доставшаяся от родителей, и Денис вернулся в нее, когда его сестра Соня вышла замуж и переехала жить в дом к мужу. Настя, просыпаясь, поворачивалась к дышащему рядом во сне мужчине, закидывала на него ногу, для того чтобы снова и снова утвердить свою власть над ним. Он в ответ сквозь сон подгребал ее правой рукой к себе, прижимал сильно, но нежно. Настя, высвободившись чуть позже, с легкостью устраивалась у него на спине, мускулистой, словно вылепленной талантливейшим скульптором специально под нее, ее рост, изгибы ее тела, располагалась с максимальным удобством, обнимала его за крепкую шею и замирала, чувствуя, как тонкие иголки счастья пронзают ее от макушки до пяток.

Каждое утро она замирала в тревожном ожидании, что это дивное чувство исчезнет, растает, что просыпаться рядом с лучшим мужчиной на земле станет привычно и рутинно, но счастье не сдавалось, а длилось, продолжалось и усиливалось, и это было прекрасно.

Вот и сегодня Настя привычным движением взлетела на рельефную спину, расположилась поуютнее, чуть не мурлыча от блаженства, обняла любимого и уткнулась носом в его кудрявую шевелюру, от которой исходил только одному Денису присущий аромат, втянула его и зажмурилась от счастья. Хорошо!

– Что? Уже пора вставать? – с легким стоном спросил мужчина ее мечты.

Работая шеф-поваром ресторана, он частенько был вынужден ложиться поздно, а потому регулярно не высыпался. Несмотря на то что ресторан работал с двенадцати, по утрам Денис вставал вместе с отправляющейся в офис к девяти Настей, чтобы приготовить ей завтрак, и сколько бы она ни возмущалась, что вполне способна сделать это самостоятельно, оставался непреклонен.

– Знаю я, как ты позавтракаешь. Съешь творожный сырок и запьешь кофе, а это неправильно.

Правильный завтрак, который поджидал Настю, когда она выходила из душа, заключался в пышном нежном омлете, кусочке слабосоленой семги на поджаренном тосте с творожным кремом и кружочком авокадо, стакане свежавыжатого сока, каждый день разного, а также сваренном в турке кофе со вкусом корицы. Иногда Насте полагались сырники с изюмом и курагой, иногда блинчики с икрой или той же семгой, иногда каша, сваренная таким хитрым способом, что Настя съедала ее в мгновение ока и чуть тарелку не вылизывала. Денис готовил просто классно, что неудивительно для шеф-повара крупного дорогого ресторана и победителя кучи международных конкурсов. Не «Золотого Бокюза», конечно, но тоже вполне престижных.

– Дэнник, ты спи, тебе же не на работу, – прошептала Настя в ответ, прижав губы к идеальной формы уху. – Сейчас семь, а ты только в три лег. Я тихонько соберусь и уйду. Пожалуйста, поспи еще.

Денис вывернулся из-под нее, рывком поднял свое тело с кровати. Настя невольно залюбовалась. Какой же он красивый. Как же ей повезло.

– Не будем тратить время на споры, – сообщил ей идеал мужской красоты. – Я сейчас тебя покормлю и отправлю с богом на работу. Тем более что поспать все равно не получится,

Феодосий назначил совещание по перспективам расширения бизнеса. Так что мне к десяти в офис. Ничего, на пенсии отосплюсь.

Феодосий Лаврецкий был начальником Дениса Менделеева и мужем его любимой сестры Сони. Познакомились они в ситуации, когда Лаврецкого пытались убить, Соня оказалась втянута в другую детективную историю, а все это в итоге привело к тому, что саму Настю похитили¹. Ее мама, известная в городе журналистка Инесса Перцева, вспоминать события тех дней не любила, а Настя, наоборот, мысленно возвращалась к ним с удовольствием, потому что закончилось-то все хорошо. Соня вышла замуж за Лаврецкого, а они с Денисом стали жить вместе, только оформлять отношения не торопились. Им и так было прекрасно.

Окончив институт, Настя с упоением делала карьеру в адвокатской конторе Аркадия Ветлицкого, а потому детей пока не планировала. Денис же сначала заработал право стать партнером Феодосия Лаврецкого, а потом начал строить собственный дом, в котором и собирался жить с женой и будущими детьми. Дом стал его идеей фикс, до реализации которой он не считал возможным сделать любимой предложение.

Настя относилась к этому как к чудачеству и не обижалась. В любви Дениса Менделеева и его верности она не сомневалась и со штампом в паспорте не торопила. К счастью, маме дочкин статус замужней женщины тоже был неважен, а у Дениса с Соней родителей давно не было. Так что их «неправильная» совместная жизнь никого не волновала.

– Ладно, значит, мне опять повезло, – Настя откинула одеяло и встала, нащупывая на полу тапочки. – Хотя меня очень тревожит, что ты совершенно не высыпaeшь. Что сегодня на завтрак?

– Кабачковые оладьи со сметаной.

Предвкушая удовольствие от очередного кулинарного шедевра, Настя отправилась в душ, откуда ее выдернул телефонный звонок. И кто это может быть в начале восьмого утра? Конечно, иногда беспокойные клиенты будили Настю и по ночам, но сейчас на экране высвечивалось слово «Соня» и это было странно. Сестра Дениса не из тех, кто названивает по утрам без серьезного повода. Да и звонила она не брату, а именно Насте.

– Да, Сонь, привет, – сказала Настя в трубку. – Что-то случилось?

– Похоже, что да, правда, я не могу оценить, насколько серьезное. Настюша, одной моей приятельнице нужна помощь. Ты ее знаешь, это Лена Золотарева, директор областной картинной галереи.

Да, Елену Николаевну Золотареву и ее мужа, полковника полиции в отставке Виктора Дорошина, в прошлом крупного специалиста по кражам предметов искусства и антиквариата, Настя Пальникова, разумеется, знала. Интересно, и зачем Елене Николаевне могла понадобиться помощь адвоката по уголовным делам?

– У них в галерее очередная заварушка, – ответила на заданный ею вслух вопрос Соня. – Сегодня утром дворник убирал опавшие листья и заметил поврежденную кирпичную кладку в одной из стен. Подошел ближе, а там тайник, в котором оказалась картина Левитана.

– Что там? – глупо переспросила Настя, хотя все прекрасно расслышала.

– Акварель Левитана. Называется «После дождя». Ее пропажу обнаружили при инвентаризации шесть лет назад. Тогда в галерее хватились этюда Куинджи. Тревогу забила самая давняя сотрудница, Мария Викентьевна Склонская. Сейчас она, к сожалению, уже умерла. Чудесная была женщина, но сейчас не об этом. В общем, инвентаризация показала недостачу в запасниках восьми картин, и все это списали на дело рук одного и того же преступника. Часть картин удалось отыскать, Дорошин много сил приложил, чтобы выйти на след похищенных шедевров, и ему это удалось. Но именно Левитана тогда не нашли, а еще «Апельсины в кор-

---

¹ Читайте об этом в романе Людмилы Мартовой «Дьявол кроется в мелочах».

зине» Фалька. Тогда все решили, что просто след затерялся, а теперь получается, что тот вор никакого отношения к пропаже Левитана не имел². А эту акварель еще раньше украли.

– Да. Ясно, что в картинной галерее опять шмон, проверки и неприятности, – резюмировала Настя.

– Да. А Дорошин, как на грех, в командировку уехал. Он же сейчас занимается частными расследованиями, связанными с предметами искусства. Сопровождает крупные сделки чуть ли не по всему бывшему Союзу. В общем, его нет. А неприятности у Лены есть. И она позвонила мне, чтобы я посоветовала ей хорошего адвоката.

– И ты посоветовала меня, по-родственному, так сказать, – засмеялась Настя. – Или ты посоветовала Ветлицкого?

– Настюша, Лене не нужен Ветлицкий. Она ничего не крада и в то время, когда выявили недостачу, трудилась обычным научным сотрудником. Директором галереи ее уже позже назначили. Ее предшественница, во-первых, была на время отстранена от работы за всю эту историю с кражей и убийствами шестилетней давности. А во-вторых, потом довольно сильно заболела, так что возвращаться на должность отказалась. И Золотарева стала директором, никого не подсиживая. В общем, ей просто нужен рядом юридически грамотный человек. По крайней мере, пока Дорошин не вернется. И ты, как мне кажется, подойдешь как нельзя лучше. В общем, если можешь, поезжай в галерею, Лена там тебя ждет.

– Все поняла. Через десять минут выезжаю, – отрапортовала Настя, заранее тоскуя по кабачковым оладьям, которые ей не придется попробовать, поскольку завтрак отменяется.

Выйдя из ванной, она сообщила об этом Денису, натянула строгий костюм, который всегда носила, оправдывая высокий статус адвоката, сунула ноги в туфли на шпильках, которые тоже были обязательным атрибутом ее делового стиля, схватила сумочку и была такова.

У картинной галереи толпился народ. Настя разглядела в толчее знакомого следователя Михаила Зимина, опера Костю Малахова с уставшим лицом, несмотря на раннее утро, криминалиста Вадима Федоровича Фадеева, очень опытного, ироничного и добродушного. Хорошая бригада сегодня дежурит. Повезло Елене Николаевне Золотаревой. Эти кровь пить не станут и отнесутся с уважением и пониманием.

– Что тут у вас? – спросила она, подходя.

– О, Настюха, – отреагировал Костя. Настя почему-то была уверена, что ему нравится. – Ты какими судьбами?

– Представляю интересы Елены Николаевны Золотаревой. – Она показала в сторону директора галереи, которая при виде ее подошла поближе, поздоровалась, кивнула, подтверждая правоту Настиных слов.

– Ясно. Не Дорошин, так ты будешь из нас кровь пить. – Костя усмехнулся, впрочем, по-доброму. – Вот когда с вечера выходил на дежурство, знал, что ничего хорошего меня не ждет. А все почему? Потому что тетку с пустым ведром встретил. Так и вышло. Половину ночи вокруг трупа под кустом скакали. А с утра пораньше нате вам, с кисточкой. Картина в стене. Левитан.

– Кость, хватит ныть. Расскажи лучше, что именно тут произошло, – попросила Настя. – Я тебе сочувствую, конечно, но дело превыше эмоций.

– Дворник музея пришел утром на работу. Стал сгребать листья у стены, увидел, что кирпичная кладка поехала. Здание-то старинное, давно реконструкции требует. Подошел поближе, увидел, что в стене какая-то ниша имеется, сунул в нее руку, поехавшие кирпичи отодрал и обнаружил заботливо упакованный сверток. Снаружи целлофан, внутри холстина,

---

² Читайте об этом в романе Людмилы Мартовой «Вишня во льду».

под ней еще один слой непромокаемой упаковки, а внутри акварель. Ну, он, знамо дело, директору галереи позвонил. Доложился по инстанции, так сказать.

Настя повернулась к Золотаревой.

– Да, так и было, – подтвердила та. – Звонок примерно в шесть утра раздался, скорее, в шесть десять. Я заметалась, с кем детей оставить. Они же маленькие еще – одних не бросишь, а муж, как на грех, в отъезде. Позвонила Соне, та, разумеется, согласилась приехать и посидеть с детьми, а заодно порекомендовала пригласить адвоката, раз Вити рядом нет. Я согласилась. Пока она ехала ко мне, я позвонила в полицию, потому что понимала, что Олегу Васильевичу вряд ли привиделось и мы имеем дело с чем-то экстраординарным.

– Олегу Васильевичу?

– Это дворника так зовут. Олег Васильевич Медведев. Я успела приехать раньше полиции и с ходу определить, что в тайнике лежала акварель кисти Левитана. Тут мне прямо нехорошо стало. Мы же были уверены, что ее шесть лет назад украли, а получается, что это совсем другая кража и вообще другая история. Я, пока ехала, позвонила Арине Романовне. Та вспомнила, что двадцать два года назад в галерее сработала сигнализация.

– Арине Романовне?

– Да, бывшему до меня директору галереи. Она, Арина Морозова, тогда после аспирантуры вернулась в город и устроилась в музей на должность старшего научного сотрудника. И тут такое. Тогдашний еще директор заявил полиции, что ничего не пропало, мол, ложная тревога. Но в галерее шептались, что он просто испугался ответственности и не признался, а на самом деле кража была.

– Дурацкий какой-то поступок. Зачем покрывать преступников, если ты с ними не в сговоре?

– Ну, прятать украденную картину в нишу в стене – поступок не менее дурацкий, – пожалала плечами Золотарева. – Зачем идти на преступление, если потом почти четверть века не вспоминать об украденном?

– Возможно, вор был любителем, а не профессионалом. Испугался сработавшей сигнализации. Выскочил из здания, засунул пакет в заранее присмотренное место, чтобы достать его потом, когда уляжется шумиха. А вот почему так и не забрал? Мог переехать, умереть, сесть в тюрьму за другое преступление, – сообщила Настя. – Она вообще ценная, эта акварель? Может быть, овчинка не стоила выделки и преступник это понял?

– В нынешних ценах от трех с половиной до шести миллионов рублей, – ответила Золотарева и пояснила, видя внимательный взгляд Зимина: – Я у мужа проконсультировалась, он, разумеется, знает.

– Не так уж и много, – пробормотал следователь, предпочтя не обращать внимания на пассаж про Дорошина.

– Для кого как, – пожалала плечами Настя. – Квартиру какую-никакую купить можно, к примеру. По верхней границе названной Виктором Сергеевичем вилки довольно неплохую. Но если речь идет о преступлении, совершенном двадцать два года назад, то это чистый висяк, конечно. Определить, кто засунул тогда картину в стену, совершенно невозможно. Да и вообще, как я понимаю, нет никакой уверенности, что кража произошла именно в тот момент, когда сработала сигнализация, а не раньше или позже. Ясно только то, что на момент выявления пропажи Левитана моя клиентка всем этим хозяйством не заведовала. Так что основные вопросы, как мне кажется, задавать придется бывшим директорам. Арине Морозовой и ее предшественнику. Как его звали?

– Алексей Аркадьевич Гольцов. Я, признаться, даже не знаю, жив ли он. Я его застала еще, когда пришла в галерею работать, но потом он довольно быстро вышел на пенсию, и директором назначили Арину Романовну.

– Разберемся, – хмуро проговорил Зимин, явно тоже уставший после бессонной ночи. – Найдено – не украдено. Картина эта, как я понимаю, числится в розыске, вот и опросим осужденного за кражу картин из галереи на предмет того, как она в стене оказалась. А картину вернем в ваши фонды, только чтобы вы ее больше не теряли.

– Не потеряем, – серьезно сказала Золотарева.

Настя в очередной раз подумала, что эта женщина ей нравится. Впрочем, полковник Дорошин, с которым Настя Пальникова была знакома благодаря своей маме, вездесущей журналистке, знавшей практически всех в их городе, ей нравился тоже. И они с Еленой очень друг другу подходили. Насте хотелось бы, чтобы они с Денисом со стороны смотрелись столь же гармоничной парой.

Закончив все дела и убедившись, что Елене Золотаревой больше не требуется ее помощь, Настя распрощалась со всеми и села в машину, прикидывая, куда ехать: домой или сразу на работу. Часы показывали без пятнадцати девять, так что особого выбора и не имелось.

Правда, шеф сквозь пальцы смотрел на опоздания сотрудников, которые редко работали по графику и не уходили домой в положенные шесть часов вечера. Он любил говорить, что ему важно, чтобы работа была сделана, а где они при этом находятся, вообще не имеет значения. Дома же ждали кабачковые оладьи, а есть хотелось сильно. Денис приучил Настю сытно завтракать, заряжаясь энергией на день, и она уже не помнила студенческие времена, когда обходилась кофе и круассаном.

Звякнул телефон, принесся сообщение от любимого. «Твой завтрак я закинул тебе в офис. Можешь не прятаться под столом, когда будешь его есть. Там на всех хватит». Она счастливо рассмеялась и послала в ответ смайлик с поцелуйчиком. В этом был весь Денис – заботливый и не упускающий из виду ни малейшей мелочи. Как же ей все-таки повезло.

Она не успела отложить телефон, как он зазвонил снова. «Нюся», – отразилось на экране, и Настя завела машину, переводя звонок на громкую связь. Нюся, точнее Анна Беседина, была ее однокурсницей и даже, пожалуй, институтской подружкой. Правда, после вуза их дороги разошлись. Настя пошла в адвокатуру, а Нюся категорически отказалась заниматься юриспруденцией, к которой у нее изначально не лежала душа, и стала вольным фотографом.

– Папа настаивал, чтобы я получила диплом юридической академии. Я его получила. Принесла и вручила папе. Пусть радуется. А мне он не нужен. Я – творческий человек и предпочитаю быть вольным художником, а не крючкомвором.

Надо признать, что у Нюси действительно был талант. Снимки у нее получались воздушные, яркие, каким-то странным неуловимым образом подчеркивающие достоинства и людей, и природы, и вообще окружающей действительности. На фотосессии к ней очередь была расписана чуть ли не на год вперед, и Нюся, охотно снимающая и портреты, и свадьбы, и детей, зарабатывала ничуть не меньше адвоката Пальниковой, да еще и на творчество время оставалось. То, что Нюся снимала для души, она успешно продавала в фотостоки, и ее работы регулярно украшали обложки довольно известных журналов.

По любопытному стечению обстоятельств жила Нюся в том же доме, что и Денис Менделеев, а теперь и Настя. Так что иногда они заглядывали друг к другу на чай и поболтать, пусть в силу занятости и нечасто.

– Привет, Нюся. – Настя тронула машину с места, предвкушая, как доберется до работы, где ее ждут вкусные оладушки. – Как жизнь?

– Слушай, Пальникова, вообще-то это безобразия.

– Что именно? – Настю не так-то просто было сбить с панталыку. Особенно когда она не чувствовала себя ни в чем виноватой.

– Твоя Соня записалась сегодня на фотосессию с дочкой и не пришла. Нет, она, конечно, предупредила, что не сможет, но время-то пропало. А я, между прочим, сегодня полночи не

спала, потому что нашла в кустах у гостиницы труп. Так что знай я заранее, что она отменит съемку, я бы не вскакивала ни свет ни заря.

– Не сердись, Нюсик. Соня была вынуждена выручить свою приятельницу, у которой на работе случились неприятности, и с утра пораньше поехала к ней, чтобы посидеть с двумя ее детьми, которых иначе было не с кем оставить. Так-то она очень обязательный человек, но помощь другим для нее важнее фотосессии, понимаешь, – встала на защиту Сони Настя, но тут сказанное подругой наконец-то достигло сознания. – Погоди. Что значит «я нашла труп»?

– То и значит. Я нашла в кустах труп неизвестного мужчины, у которого слили кровь. Представляешь, какой ужас?

Настя вспомнила уставшее лицо Кости Малахова и его слова о том, что ночь выдалась бессонной, потому что они выезжали на труп в кустах. Кто бы мог подумать, что это именно Нюся его нашла.

– А что ты делала в такое время в кустах? – строго спросила Настя. – Никогда не замечала за тобой тяги к ночному образу жизни. В темноте же снимать нельзя, а тебя можно выманить из дома только тогда, когда у тебя есть возможность фотографировать.

– Не делай из меня мизантропа! – возмутилась Нюся. – То, что я не люблю шумные вечеринки, не означает, что я веду затворнический образ жизни. А в кустах ночью я какала. То есть не я, конечно, а Тобик. У него живот прихватило, пришлось идти на улицу.

– То есть Толик опять оставил тебе свою псину, – понимающе констатировала Настя. – Слушай, Нюся, по-моему, за все, что ты для него делаешь, он уже обязан на тебе жениться. По крайней мере, хозяйство в виде домашних животных у вас уже общее.

Толик Болонин был их с Нюсей однокурсником. Правда, его юридическая карьера тоже не сложилась, и подвизался он менеджером в фирме, торгующей строительными материалами. Фирма принадлежала отцу Толика, так что нужды в деньгах он не испытывал. Что и говорить, выгодная была партия. Да и привыкшие к тому, что Нюся и Толик с детства практически неразлучны, родственники и знакомые встретили бы известие об их свадьбе как само собой разумеющееся.

– Не говори глупостей. Толик – это всего лишь Толик. Замуж я за него не собираюсь, мы так давно знакомы, что в этом было бы что-то от инцеста. А возиться с Тобиком мне нетрудно. Он чудесная собака. За исключением тех случаев, когда ночью ему приспичивает сходить под кустик. С трупом.

На последних словах голос Нюси дрогнул.

– Ладно. Рассказывай про труп, – велела Настя.

Ей действительно было интересно. Кроме того, полученная информация очень даже могла пригодиться ее маме – криминальному репортеру, охочему до новостей. Неизвестный труп в кустах, да еще со слитой кровью, вполне тянул на сенсацию. Делиться с мамой информацией по делам, которые вела их адвокатская контора, Настя по понятным причинам не могла, но обнаруженный Нюсей труп к ней никакого отношения не имел, так что можно было рассказывать маме все без утайки.

Внимательно слушая институтскую подружку, Настя доехала до работы, припарковала машину у офиса, посидела в ней еще минут пять, заканчивая разговор, после чего с чувством полного удовлетворения отправилась на свое рабочее место, где ее ждали любимый начальник и кабачковые оладьи Дениса.

* * *

Сидя за своим рабочим столом, следователь Зимин хмурился. Дело, связанное с обнаруженным возле гостиницы трупом, категорически ему не нравилось. Сыщицким чутьем, всем своим нутром он чувствовал, что это преступление не последнее.

– Да ну тебя, Мишка, – расстроено сказала ему помощник руководителя следственного управления, отвечающая за связи с прессой, и давняя подруга Лиля Лаврова, с которой он поделился предчувствием, – накличешь беду своим длинным языком. Совершенно одно убийство, его и расследуй.

– А я тебе говорю, что это начало серии, – упрямо повторил Зимин и набылчился. Он всегда так делал, когда был чем-то недоволен. – И жертва, найденная сегодня ночью, совершенно случайная. Просто молодой человек, проводивший девушку и возвращавшийся поздним вечером к себе домой. Мы его установили практически сразу, хотя никаких документов при нем не было. Он до своего дома и не дошел-то всего ничего. Оставалось только мимо гостиницы пройти, пересечь дорогу, и все.

– И с чего ты взял, что это случайная жертва? Может, его специально караулили в тех кустах, ждали, пока он от девушки возвращаться будет. Неудачливый соперник, к примеру. Девушку-то опросили? Что говорит?

– Рыдает девушка, – мрачно сказал Зимин и тяжело вздохнул. За долгие годы своей работы он так и не смог привыкнуть к проявлениям человеческого горя и реагировал на них тяжело. – И мать рыдает. И обе в один голос говорят, что врагов у потерпевшего Тимофея Лопатина не было. Парень как парень. Работал в автосервисе. Жил с матерью и младшей сестрой. Встречался с девушкой. Собирался делать предложение, даже кольцо купил, но подарить не успел. Хотел к годовщине знакомства приурочить. У них двадцать пятого августа два года с первой встречи.

– Так, может, все-таки есть кто-то, не желавший, чтобы кольцо было подарено и свадьба состоялась? – предположила Лиля.

– Да проверяем мы, – с досадой ответил Зимин. – Эта версия, разумеется, основная. И случайный грабёж со счетов тоже не исключаем. Телефон у парня пропал.

– Вот видишь...

– Да самый обычный у него был телефон. Китайский смартфон. Ради такого точно не убивают. И кровь эта выкачанная мне покоя не дает. Федорыч говорит, что не меньше двух литров у него забрали. Кто? Зачем?

– Ну, на этот вопрос Федорыч тебе не ответит, – вздохнула Лиля. – Хоть он у нас и самый лучший криминалист в области. Я, разумеется, про кровь журналистам говорить не стала. Может быть, у этого обстоятельства есть вполне себе простое объяснение, а слухи пойдут по городу – не остановим. Если уж тебе серия мерещится, хотя ты галлюцинациями не страдаешь, то обыватели разговоры про маньяка быстро подхватят.

– Держи – не держи, а новый труп появится, разговоров все равно не избежать.

– Да что ты каркаешь! – возмутилась Лиля. – Тоже мне Ванга. Иди и ищи, кому твой Лопатин мог помешать.

– Ищу-ищу, – все так же мрачно согласился Зимин. – И не только врагов Лопатина.

– А кого еще?

– Да с бывшим директором картинной галереи хотел переговорить. Тем самым, при котором двадцать два года назад сигнализация сработала, а ничего не пропало. Федорыч-то сказал, что, судя по состоянию упаковки, в которую картина была замотана, она действительно в стене пролежала около двух десятков лет. Вот и интересно мне, почему господин Гольцов тогда сказал, что из запасников ничего не пропало?

– А какая разница? – искренне удивилась Лиля. – Сроки давности все равно вышли. Нашелся Левитан – и отлично. Надо вернуть его в музей и закрыть дело. Или ты любопытство свое тешишь? Много времени свободного? При нераскрытом-то убийстве.

– Не дает мне это покоя, – признался Зимин. – Хочешь чутьем это назови. Хочешь – блажью. И мне при этом очень не нравится то обстоятельство, что господин Гольцов Алексей

Аркадьевич, 1945 года рождения, на телефонные звонки по домашнему телефону не отвечает, сотовый у него вне зоны действия сети, и соседи его уже с неделю не видели.

– Зимин, по-моему, тебе в отпуск пора, – сказала Лиля серьезно. – Дедок семидесяти восьми годов у него пропал, который в две тысячи лохматом году пропажу Левитана не заметил. Может, он в больнице лежит, может, в санаторий отъехал, может, на даче урожай яблок собирает. Яблочный Спас у нас в эту субботу, Зимин. Ты хоть знаешь, что это такое?

– Знаю. Моя теща варит прекрасное варенье из яблок. – Вспомнив про свою семью, Зимин даже лицом посветлел. Он очень их любит: и жену, и дочку, и тещу, и будущего малыша, появления на свет которого они ждут примерно через месяц. – И в отпуск я пойду, когда Снежана родит, чтобы побыть с ними. А случиться это может в любой момент. До родов три недели осталось, так что тревожный чемоданчик моя благоверная уже собрала.

– Это не чемоданчик тревожный, а ты, Мишка, тревожный. – Лиля засмеялась: – Ты просто до одури за Снежинку боишься, вот тебе и мерещатся ужасы³. Серийные убийства, которых нет. Пропавшие старички. Таинственно похищенные картины. А все гораздо проще. Зло вообще примитивно устроено. Тебе ли не знать.

Впрочем, время показало, что Лилия Лаврова ошибалась, а Михаил Зимин был прав. Первым неприятным сюрпризом, который они обнаружили, придя следующим утром на работу, стала статья Инессы Перцевой, в которой подробно расписывалось совершенное в сквере у гостиницы убийство, включая пикантную подробность о выкачанной из убитого крови. То, что следователи так надеялись скрыть, чтобы не вызывать кривотолков, теперь обсуждал весь город.

Инесса Перцева виноватой себя не чувствовала, заверяя, что просто хорошо делает свою работу. Откуда она узнала детали преступления, было непонятно, но Лилия Лаврова давно смирилась, что Перцева знает всегда и все.

Вторая, еще более неприятная новость – Алексея Гольцова нашли в своей квартире убитым. Соседи, повторно опрошенные оперативником Малаховым, сообщили, что из квартиры одинокого пожилого человека доносится странный запах, после чего в присутствии понятых была взломана дверь. Судя по состоянию тела, Гольцова убили не менее недели назад. А самым мрачным оказалось то обстоятельство, что перед смертью или сразу после нее у него было выкачано не менее двух литров крови.

– Вынуждена признать, что чутье у тебя, Мишка, звериное, – мрачно сказала Лаврова, прочитав заключение эксперта. – Это действительно серия. У нас завелся маньяк, который зачем-то обескровливает своих жертв. Практически вампир.

– И Гольцов, похоже, первая его жертва, а Лопатин – вторая. Вот только Гольцова преступник убил у того в квартире, а Лопатина – в сквере на улице. То есть картина убийства не совпадает, что странно, если мы говорим о маньяке. Ни место преступления, ни возраст жертв, ни род их занятий, ни внешность. Что их объединяет: искусствоведа на пенсии и молодого автомеханика? Почему наш убийца выбрал именно их?

– Вот поймашь его – выяснишь, – заверила Лиля. – Хочется надеяться, что до этого времени не появятся новые жертвы.

– Я бы на это не рассчитывал, – мрачно ответил Зимин. – Лилька, помнишь, ты мне рассказывала, как профессор Лагранж объяснял тебе разницу между маньяками и просто серийниками? Мол, не каждый человек, совершающий серию убийств, является классическим маньяком.

Лиля на мгновение прикрыла глаза, вспоминая то дело, в результате которого она нашла любимого мужа и стала Лавровой, а вместе с этим матерью не одного ребенка, а троих сыновей и лапочки-дочки. Господи, как давно это было. Восемь с половиной лет назад. И профессора

---

³ Читайте об этом в романах Людмилы Мартовой «Кружевное убийство» и «Танец кружевных балерин».

Лагранжа, мудрого и любимого учителя, давно уже нет в живых. Да, тогда они с коллегами смогли вычислить убийцу, оставляющего цветы на телах своих жертв, только благодаря старому психиатру⁴.

Именно Лагранж напомнил тогда Лиле, что далеко не каждый человек, совершающий серию преступлений, маньяк в клиническом смысле этого слова. Точнее, то, что убийца только притворяется маньяком, первым предположил Димка, капитан Воронов, а маньяк лишь подтвердил это сомнение.

Пойманный ими хитрый и жестокий человек, убивая людей, просто тщательно заметал свой личный интерес к одной конкретной жертве. Ужасные преступления были лишь декорациями в его тщательно срежиссированном спектакле. Но почему именно сейчас Зимин заговорил об этом?

– Я помню, конечно, – сказала Лиля, открыв глаза. – Но сейчас у нас слишком мало материала для анализа, чтобы проводить параллели с тем делом. Пока мы имеем два убийства, между которыми прошла примерно неделя, так что о периодичности говорить не приходится. Схемы действительно тоже не видно. Но это ни о чем не говорит, так как она может быть неявной. У пенсионера из квартиры что-то пропало?

Зимин пожал плечами:

– Мобильный телефон не нашли. Так же, как и у Лопатина. Так что это то звено, которое объединяет оба преступления. Кроме слитой крови, конечно. И, кстати, именно кровь может быть тем мотивом, который толкает этого человека на убийства. Зачем-то она ему нужна. Знать бы еще зачем. И все же почему-то я вижу четкую связь с тем делом восьмилетней давности. Возможно, я ошибаюсь и искать действительно надо свихнувшегося психа, возмнившего себя вампиром. Но интуиция говорит мне, что какая-то из жертв неслучайна. И кто-то из погибших мог так сильно насолить преступнику, что тому понадобилось его убить.

Лиля снова прикрыла глаза. Когда восемь лет назад она спросила старого профессора, можно ли считать нормальным человека, убивающего снова и снова, чтобы скрыть одно из преступлений, спрятать главный труп на кладбище, тот ответил: «Что есть норма, девочка моя? Если ты спросишь, вменяем ли этот человек, то отвечу тебе, что да, скорее всего, абсолютно вменяем и понимает, что делает. А нормален ли он, нормальна ли ты или я? Грань между нормой и патологией так тонка, так незаметна, что можно переходить ее туда и обратно по нескольку раз за день. Ты уж поверь старому психиатру». Она поверила тогда и верила сейчас, но мир вокруг не становился лучше, чище и светлее. В нем по-прежнему убивали, а по каким мотивам, так ли это важно.

– Миш, я тебе обещаю, что поищу информацию о том, зачем может быть нужна кровь, которую забрали у жертв. Если это делает псих, то у него все равно есть своя логика, пусть кривая и больная. А ты изучай окружение и образ жизни жертв. Возможно, наши два пути сойдутся в одной точке и мы выйдем на этого негодяя быстро. До того, как он убьет кого-нибудь еще.

Именно этому совету следователь Зимин и последовал. Но ни у ведущего простой образ жизни автомеханика Лопатина, ни у бывшего директора картинной галереи Гольцова не было ни явных врагов, ни общих знакомых. Мать, сестра и девушка Лопатина никогда не слышали о Гольцове и были уверены, что их Тимофей никогда о нем не упоминал. Соседи старика искусствоведа так же никогда не встречали Лопатина в своем подъезде. Помимо способа убийства, единственное, что роднило жертв, – это группа крови. Первая положительная. Однако этот факт мог быть всего лишь простым совпадением.

Списки людей, среди которых могли найтись общие знакомые обеих жертв, ширились. У Тимофея Лопатина список был большим, у Алексея Гольцова – весьма скромным. После

---

⁴ Читайте об этом в романе Людмилы Мартовой «Смерть на языке цветов».

смерти жены он жил один, единственный их сын Иван Гольцов много лет назад переехал в Новосибирск и с родителями не общался, даже на похороны матери не приезжал. Уж какая кошка между ними пробежала, соседи не знали, но говорить про сына покойный Алексей Аркадьевич отказывался наотрез.

Человеком он был довольно замкнутым. Жил размеренно, строго придерживаясь распорядка дня, о котором поведали соседи и Арина Романовна. Вставал в пять утра, варил себе овсянку на молоке и завтракал, запивая кашу кофе с молоком. Смотрел в интернете какой-нибудь детективный фильм, до которых был весьма охоч, но строго одну серию, каким бы интересным ни было кино.

В половину седьмого ложился обратно в постель и спал до восьми утра, после чего следовал второй завтрак, состоящий из яичницы, бутерброда с сыром и кружки чая. Затем Гольцов посвящал два часа времени домашним делам: стирке, уборке, приготовлению еды. Справлялся сам, наотрез отказываясь от чьей-то помощи. После одевался и выходил из дома, совмещая обязательную прогулку с покупками продуктов, посещением почты, банка или врача.

Домой возвращался к двум часам дня, обедал, сразу мыл посуду и укладывался на диван, чтобы вздремнуть до четырех. Проснувшись, выпивал еще одну кружку чая и садился за письменный стол. Изучал в интернете материалы по искусствоведению, пользовался онлайн-экскурсиями по музеям мира, читал новостные сайты. После ужина позволял себе еще одну серию детектива, после чего отправлялся в постель, где перед сном читал художественную литературу.

Гости к нему приходили редко. И их число ограничивалось двумя людьми. Первой была коллега Алексея Аркадьевича, сменившая его после выхода на пенсию на посту директора областной картинной галереи Арина Морозова, а вторым – старый, еще школьный друг, известный детский писатель Владимир Петрович Вершинин. Зимин, разумеется, встретился с обоими.

Арина Романовна Морозова оставила после себя какое-то гнетущее впечатление. Несмотря на то что ей еще не исполнилось и шестидесяти, она выглядела совсем старушкой: маленькая, худенькая, какая-то скрюченная. Ходила она, приволакивая ноги, словно болела чем-то. Лицо ее тоже выглядело болезненно: глаза запавшие, красные, сухие, уголки губ безобразно шелушатся, за ушами припухлости. Зимин мельком взглянул и отвернулся, пялиться на чужое уродство он считал верхом невоспитанности.

Из-за гибели Гольцова Арина Романовна расстроилась, конечно, но в чрезмерную скорбь не впала.

– Мы не были близкими друзьями, – пояснила она Зимину. – Просто когда-то работали вместе, я Алексея Аркадьевича уважала, потому что специалистом он был великолепным. Специализировался на русском искусстве и живописи конца девятнадцатого – начала двадцатого века. Ему принадлежит ряд исследований, весьма известных в нашей научной среде. Разумеется, после выхода на пенсию он от дел отошел, но за всеми новостями следил исправно, статьи читал, в том числе зарубежные. Мне было интересно с ним общаться, Алексей Аркадьевич был блестящим собеседником, поэтому время от времени я к нему приходила. Мы пили чай и разговаривали об искусстве и современных тенденциях. В моем окружении не так много людей, с которыми об этом можно поговорить.

– У Гольцова были враги?

– Да бог с вами. – Морозова невесело засмеялась и сглотнула. Она вообще часто глотала, Зимин заметил. Голос у его собеседницы был низким, грубым, похожим на мужской. – Какие враги у того, кто уже восемнадцать лет на пенсии, до этого руководил провинциальной картинной галереей и человеком был прекрасным: добрым и совершенно бесконфликтным.

– Вы знаете, почему этот бесконфликтный человек поссорился с единственным сыном?

Морозова покачала головой и снова сглотнула:

– Нет, я не спрашивала. Наши отношения не предусматривали подобной откровенности. Я только знала, что сын Гольцовых переехал в другой город, и Мария Дмитриевна из-за этого очень переживала. А потом она заболела и умерла, мне казалось, что именно с горя. И Алексей Аркадьевич остался один и о сыне никогда не говорил. Никогда.

С Гольцовым-младшим Зимин, разумеется, тоже связался, да и новосибирские коллеги помогли, вызвали того для беседы, но тоже ничего нового не узнали. Со своим отцом Гольцов-младший не общался более двадцати лет, даже сменил фамилию, став по жене Карповым, к известию о смерти родителя он отнесся совершенно равнодушно, сказав, что давно считает себя сиротой, а на день убийства имел железное алиби, поскольку вместе со всей семьей находился на отдыхе в Турции.

О причинах застарелой вражды с отцом Гольцов-Карпов наотрез отказался говорить, сообщив, что все это дела давно минувших дней, поросшие быльем. Не пролил свет на эти причины и разговор с Владимиром Вершининым. Тот сухо сообщил, что в курсе событий, но когда-то пообещал своему ныне покойному другу, что никому об этом не расскажет, и слово свое собирался держать, несмотря на гибель Гольцова. К убийству последнего давние события, по мнению писателя, никакого отношения иметь не могли. Вот и весь сказ.

Ни у Вершинина, ни у Морозовой твердого алиби, разумеется, не имелось, хотя бы потому, что определить до часа точное время убийства Гольцова было невозможно. Однако представить, что пожилой писатель или болезненная женщина нанесли покойному смертельный удар в яремную вену, из которой потом еще и слили кровь, Зимин не мог. Воображения не хватало. Да и зачем им было это делать? А кому-то другому зачем?

Впрочем, вскоре эти вопросы, оставшись важными, все же отошли на второй план. Дело в том, что спустя пять дней после убийства Тимофея Лопатина неподалеку от места преступления, то есть в том же микрорайоне, где жил и убитый Алексей Гольцов, на пустыре, возле шиномонтажа, был найден еще один труп со слитой кровью.

Третьей жертвой так пока и не установленного вампира стал сорокалетний мастер по ремонту шин Иван Дубинин. Экспертиза показала, что у него, как и у двух предыдущих мужчин, была первая группа крови, и это обстоятельство оказалось единственным, что роднило Дубинина с Лопатиным и Гольцовым.

– Получается, все-таки маньяк? – в голосе Зимина, сидящего напротив Лилии Лавровой в ее маленьком кабинете, сквозила непривычная для него неуверенность. – Просто два оленя – это совпадение, а три – уже тенденция, как гласит старый анекдот.

– Да уж, анекдот, прямо скажем, с бородой, – вздохнула Лиля. – Только все это совершенно несмешно, потому что слухи по городу ползут, один безобразнее другого. Зимин, ты понимаешь, что шеф скоро освежает тебя прямо на планерке, потому что с него будут требовать твою шкуру?

– Понимаю, – мрачно согласился следователь. – Будем работать, Лилька. Что нам еще остается!

* * *

Накануне Нюся серьезно поссорилась с Толиком. В последнее время тот совсем обнаглел, то и дело подсовывая ей свою собаку. Лицо у него при этом становилось как у обделавшегося пуделя.

– Нюся, – гундел он, вытягивая губы куриной гузкой, – ну пожа-а-а-луйста. Ну мне о-о-очень надо. У меня охота на уток.

– Так и бери Тобика с собой. – Нюся вздохнула: – Это же спаниель. Охотничья порода. И как раз на водоплавающую птицу.

– Да старый он уже, – защищал своего пса Толик. – И на охоте ни разу в жизни не был. Это же диванный пес, ты и сама знаешь.

– Толь, – Нюся подбоченилась, уперев руки в бока. Вид у нее был воинственный. – Ты за последние две недели оставлял у меня свою собаку два раза. Сегодня третий. Самому не стыдно? Я, конечно, все понимаю и всегда готова помочь, но когда ему ночью приспичило, я, между прочим, труп нашла. И шок, кстати, был не у меня, а у Тобики. Ты бы хоть о собаке-то подумал.

– Можно подумать, если бы он ночевал дома и с ним ночью отправился на улицу я, то при виде трупа у него был бы меньший шок, – вяло отбивался Толик. – И вообще, Нюся, я ж тебя как человека прошу. Мне очень надо. Я тебе обещаю, что это последний раз, и больше я долго-долго просить не буду.

– Ага. То есть я должна поверить, что ни внезапных свиданий, ни охоты, ни срочных поездок к родителям у тебя больше не будет? Кстати, а чем Тобик так уж мешает свиданию? И почему его нельзя взять с собой за город к Ирине Геннадьевне и Сергею Борисовичу? У тебя прекрасные родители.

– Я тебе уже объяснял, что к родителям десять дней назад сорвался срочно, прямо с работы. Бабушке стало плохо, и надо было немедленно привезти лекарство. Я не успевал заехать домой, поэтому позвонил тебе. Ты – единственная, у кого есть ключи от моей квартиры.

– Хорошо, – согласилась Нюся. Бабушка – это святое, не возразишь. – А со свиданием что не так?

– Не все девушки любят собак. Некоторые боятся. И запах псины им не нравится. А у меня новый роман наметился, я и решил даму раньше времени не напрягать.

– Конечно, проще напрягать меня. Чтобы угодить своим бабам.

– Ты сама отказываешься выходить за меня замуж. Нюся, пожалуйста, в последний раз. Мне очень важна эта охота.

Разумеется, она согласилась, в глубине души ругая себя за бесхребетность, и Толик, полностью экипированный в охотничий костюм, доставил ей Тобику и полагающиеся тому вкусняшки, сделал ручкой и был таков. Пес, правда, этой ночью вел себя прилично. На улицу не просился, безмятежно спал, и, как выяснилось с утра, это было к лучшему, потому что именно этой ночью в их районе опять кого-то убили. Пожалуй, второй встречи с трупом Нюся бы не вынесла.

О случившемся ей рассказала Настя Пальникова, узнавшая о ночном происшествии от своей мамы-журналистки. Она очень рассердилась, услышав, что Тобик опять ночует у Нюси.

– Слушай, Беседина, ты что, ненормальная? Не смей больше брать собаку, которая ночами таскает тебя на прогулки. По крайней мере, пока в городе орудует маньяк. Ты что, хочешь быть следующей?

– Следующей я быть не могу, – рассудительно сказала Нюся. – Я – женщина, а он убивает только мужчин. Причем с первой группой крови. И, к счастью, Тобик сегодня ночью спал как убитый. Тьфу, сорвалось. А сегодня вечером Толик вернется с охоты и его заберет. Он обещал, что больше мне пса оставлять не будет.

– Ага, зная Болонина, верится с трудом, – Настя засмеялась. – Я вообще удивляюсь, что тебе за столько лет не надоело с ним возиться. Ладно, наплевать на Толика. Но ты все-таки будь аккуратнее. Маньяк – это серьезно.

В этом Нюся как раз не сомневалась, как и в том, что оказалась внутри водоворота событий не случайно. Ей думалось, что есть в этом какая-то предначертанность, сути которой она пока не понимала. Если верить тому, что пишет Настина мама, журналистка Инесса Перцева, то первой жертвой серийного убийцы стал Алексей Аркадьевич Гольцов, которого Нюся хорошо знала.

Когда-то он читал у нее в юридической академии курс мировой художественной культуры, и Нюся тогда так заинтересовалась, что она даже в научный кружок записалась. Гольцов уже давно был на пенсии, преподавать пошел оттого, что сидеть дома ему наскучило, и длилась эта история примерно месяца три. А потом, не дожидаясь зимней сессии, Алексей Аркадьевич вдруг от преподавания отказался и студентов, в том числе и кружковцев, бросил.

Нюся в сопровождении верного Толика тогда даже домой к нему ходила, чтобы узнать, что случилось, но Гольцов принял их довольно неприязненно, точнее, даже на порог не пустил, заявив, что отказ от преподавания – его личное дело и отчитываться он ни перед кем не намерен.

Нюсю же столь холодный прием удивил, потому что она считала себя любимой студенткой Гольцова, и не на пустом месте. Алексей Аркадьевич видел и ценил ее искренний интерес к искусству, давал почитать разные книги, иногда задерживался после заседания кружка, допоздна рассказывая внимательно слушающей студентке какие-то завораживающие факты, и все время ее хвалил. И вот на тебе. Такая метаморфоза.

За всем этим крылась какая-то тайна, и Нюся была полна энтузиазма ее разгадать, но Настя, как водится, узнала обо всем первой. Разумеется, от мамы. Выяснилось, что Гольцов так разволновался из-за вскрывшейся в картинной галерее недостачи, что фактически слег, а поправившись, возвращаться к преподавательской деятельности не стал.

В галерее в то время действительно пропало чуть меньше десятка картин, однако преступление вскоре было раскрыто, пойманный преступник во всем признался, а похищенное вернулось обратно. За исключением двух полотен, одно из которых несколько дней назад нашли в тайнике в кирпичной кладке стены картинной галереи. Вот что интересно: когда выявилась пропажа, Алексей Гольцов уволился из академии, а когда одну из пропавших картин нашли, был убит. Нюсе казалось, что два эти факта как-то связаны.

Второй труп нашли они с Тобиком, и хотя с Тимофеем Лопатыным она знакома не была, к преступлению отношение все-таки имела. И вот третья жертва. Скорее всего, Ивана Дубинина Нюся видела, и не раз, поскольку машину свою, подаренную родителями на двадцатилетие, переобувала именно на том шиномонтаже, где убитый работал. Ничего удивительного, располагался шиномонтаж неподалеку от ее дома. И что это? Совпадение или тенденция, как гласит бородастый анекдот про оленей?

Нюсе ужасно хотелось обсудить это с Настей, но она не решалась. Боялась, что институтская подруга поднимет ее на смех. Настя искренне не понимала, зачем было пять лет корпеть над учебниками и сдавать сложные экзамены, если потом не работать по специальности. Сама она грезилась адвокатурой, работать в конторе у Аркадия Ветлицкого начала еще на четвертом курсе, упорно шла к цели, делая себе имя и завоевывая доверие клиентов, поэтому Нюсино увлечение фотографией считала блажью и придурью, а работу Толика в строительном магазине отца и вовсе презирала.

Нюся на подругу не обижалась, понимала, что у каждого свой путь и собственное представление о жизни, но и делиться какими-то своими подозрениями, касающимися совершенных преступлений, не хотела. Настя с высоты своего адвокатского опыта в пух и прах разметет ее подозрения, разрушит выстроенные в голове конструкции, и это окажется болезненно и неприятно. Лучше не начинать.

Однако накопившиеся сомнения настойчиво требовали выхода, поэтому Нюся вывалила их возвратившемуся с работы Толику, едва тот переступил порог ее квартиры. Бедняга даже опешил от ее напора.

– Погоди, мать, – сказал он просительно и присел, чтобы погладить выкатившегося им под ноги Тобику. – Я ничего не понимаю. У нас в лесу связи не было, да и новости я не читаю. Какие трупы? Ты же только один нашла. Или я чего-то не знаю?

Иногда тупоголовость Толика Нюсю бесила.

- А тебя что-нибудь, кроме сортов кафеля, интересует? – спросила она язвительно.
- Да, марки бетона, – кивнул Толик. Шутил.

Он вообще-то был неплохой парень, только сильно затюканный властным и авторитарным отцом. В семье Болониных никто, кроме отца, права голоса не имел. Ирина Геннадьевна мужа не то чтобы боялась, нет, просто никогда ему не перечила. За свою жизнь она не работала ни дня, от Сергея Борисовича зависела полностью, а потому, даже поймав его в молодые годы на измене, из семьи не ушла.

- Куда бы я пошла с двумя детьми, – рассказывала она как-то Нюсе.

А Нюся от такого мужа сбежала бы сразу. При ее-то характере. Впрочем, Нюсина мама говорила, что из-за этого самого характера на ней никто и не женится. Ну и не надо. И сами проживем. В общем, Ирину Геннадьевну Нюся жалела, а с Сергеем Борисовичем вела себя дерзко, на грани наглости. Он же подругу сына даже уважал. Среди его знакомых она была единственной, кто перед ним не пресмыкался.

- Ладно, шутник, проходи, раздевайся, мой руки. Буду тебя кормить. И рассказывать.

– Кормить – это хорошо, – обрадовался Толик, стягивая свою пятнистую охотничью куртку и пристраивая ее на вешалку. – Рассказывать хуже, но что ж поделать.

Нюся подождала, пока он протопал в кухню, сел на свое привычное место у холодильника. Поставила перед гостем тарелку с жареной картошкой, открыла упаковку с тоненько нарезанными пластиночками копченой колбасы, вытащила из банки несколько соленых огурцов. Ее друг предпочитал именно такую еду, простую и сытную, в то время как мама его была помешана на кулинарии и здоровом питании, отчего часами стояла у плиты, сотворяя очередное полезное, но малосъедобное блюдо. Оба ее сына спасались пищей, да и Сергей Борисович, Нюся знала, нет-нет да и присоединялся к ним, старательно не замечая страдальческое лицо жены.

– Понимаешь, я практически убеждена, что все эти трупы связаны между собой, – начала Нюся с азартом.

- Какие трупы? – спросил Толик с набитым ртом.

Нюся вздохнула и вернулась к началу. Толик слушал внимательно, не забывая старательно работать челюстями и периодически опуская руку вниз – угощая собаку.

– Не давай ему копченую колбасу и жареную картошку, – возмутилась Нюся. – У него потом расстройство желудка.

- Да брось ты. Пусть ест, ему вкусно и мне тоже.
- Этой ночью, если что, на улицу идти не мне. И напомним, что в последующие тоже.
- Да-да. Я обещал.

– Ладно. Поверю, хотя ты совершенно ненадежный человек, Толик. Так как ты думаешь, я права или нет?

- В том, что копченую колбасу и жареную картошку вредно есть? Права абсолютно.

- В том, что жертвы нашего маньяка несчастны, балда.

– А маньяк уже наш? – Толик доел картошку и аккуратно собрал растекшееся по тарелке масло хлебной корочкой. – Нюся, ты бы не выдумывала, а. Я понимаю, что ты у нас человек творческий, у тебя фантазия буйная и ищет выхода, но не настолько же.

Нюся снова вздохнула. Уж если Толик относится к ее аргументам так иронически, то Настя и вовсе не оставила бы от них камня на камне. Хорошо, что она ей об этом не рассказала. И все-таки что-то здесь не так. Как хороший фотограф, Нюся умела выстраивать кадр и видеть картинку целиком. Сейчас картинка не выглядела полной, рассыпалась. Что-то в ней было лишнее или, наоборот, чего-то не хватало.

- Толь, а ты его давно в последний раз видел?

– Кого? – уточнил Толик, прихлебывая теперь горячий чай из поставленной перед ним Нюсей кружки.

– Алексея Аркадьевича...

Видя, что Толик продолжает смотреть все с тем же непониманием, Нюся добавила с легкой досадой:

– Гольцова.

Ее гость поперхнулся и облился чаем. Со стуком отставил чашку на стол, кинулся стряхивать пролитый кипяток с обтянутых джинсами коленей, посмотрел с укором. Мол, видишь, что ты наделала?

– Да я его вообще уже сто лет не видел, ты чего? Зачем он мне сдался?

– Ты же тоже в кружок ходил! – Нюся вдруг возмутилась так сильно, что у нее даже уши запылали. – И тебе было со стариком интересно. Я же видела.

– Ну, было, и что? Он потом от нас сбежал и забыл. И почему тогда мы про него помнить должны?

– Наверное, не должны. Но я почему-то чувствую себя полной свиньей, что бросила его на произвол судьбы. Он же одинокий совсем был. Наверное, радовался бы, если бы мы его проводывали.

– Ага. Радовался. Ты вспомни, как он нас тогда чуть с лестницы не спустил.

– Ну и что? Просто у него было такое настроение. Нам бы в другой раз прийти.

– Ой, Нюся, и что ты все сочиняешь.

– Толь, я все думаю, зачем этот маньяк выпускает кровь из тел.

Толик снова поперхнулся:

– Слушай, тебе точно лекций по уголовному праву не хватает. Чего тебя на ночь глядя на ужасы потянуло? Тебе больше думать не о чем?

– Нет, я серьезно.

Он немного помолчал.

– Слушай, Нюся, помнишь, мы с тобой где-то полгода назад читали про одну англичанку, которой нужна мужская кровь, потому что у нее какое-то редкое заболевание и без этой крови она не может жить? Я еще предположил, что она вампириша.

– Помню, – согласилась Нюся. – Я тогда прочитала тебе эту новость из интернета, ты сказал, что она вампириша, а оказалось, что нет. Из крови делают какую-то сыворотку, которую она капала в глаза, а без этого могла ослепнуть. И что?

– Вот! А вдруг кто-то убивает людей, потому что ему нужна кровь для такой сыворотки. Причем именно мужская, потому что в ней больше железа. У мужчин гемоглобин выше. Мужчины вообще – высшие существа. – Толик засмеялся. – Это и без интернета понятно.

– Да ну тебя... Но в целом вдруг ты и прав. Знаешь, тут в нашей округе живет одна женщина, ужасно неприятная... У нее что-то с глазами. Они красные, как у кролика, и сухие такие. Просто жуть. В общем, той ночью, когда мы с Тобиком труп нашли, я ее видела. Она шла по улице, как раз с той стороны, понимаешь. А в руках у нее был бидон. И я сейчас подумала: вдруг она в нем несла слитую кровь, чтобы лекарство себе сделать? Как у той англичанки.

Толик смотрел на Нюсю во все глаза. Как будто видел впервые.

– Слушай, Беседина, у тебя просто шикарный ход мыслей. И голова как дом советов. Нет, я серьезно. Я ничего в этом не понимаю, но если ты действительно так считаешь, то просто расскажи обо всем полиции, и все. Ты помнишь, как болезнь называется? Та, от которой нужна сыворотка из крови.

– Нет, не помню. – Нюся поникла. – Но, наверное, это можно найти в интернете по ключевым словам.

– Вот и найди. – Гость решительно поднялся и позвал собаку, давая понять, что им пора уходить. – Старуха с бидоном, ну надо же. Нарочно не придумаешь.

– Я не придумала, – бросила Нюся и вышла в прихожую их проводить. – И запомни, Болонин, до конца августа я больше с твоей собакой не останусь. Даже не думай.

– Хорошо, хорошо. Я понял. И это... Спасибо тебе. Мы пошли. Увидимся.

Нюся закрыла за ними дверь, вернулась в кухню, задумчиво принялась убирать со стола. Она точно знала, что Толик ей сегодня соврал. Вот только совсем не понимала зачем. Вымыв посуду, она выключила в кухне свет, вернулась в комнату, взяла ноутбук, вошла в интернет и, немного подумав, ввела в строку поиска: «Сыворотка из мужской крови».

* * *

Картина, найденная в стене, отчего-то будоражила воображение Насти Пальниковой. Почти четверть века рисунок Левитана провел взаперти. Это была не самая дорогая работа. Ну, минимум три миллиона рублей за нее можно было получить, ну, два, не так уж и много по нынешним временам. Да и по прошлым тоже. С чего идти на такой риск, чтобы украсть картину и не пытаться ее продать, а спрятать в тайнике, вмурованном в кирпичную кладку? И кто это сделал?

Она была уверена, что смерть бывшего директора картинной галереи совершенно точно связана с находкой. Не бывает таких совпадений, вот просто не бывает, и все. Через маму она подкатила к Лилии Лавровой, с которой та была дружна, чтобы высказать свои соображения. Лилия, как ни странно, с ней согласилась.

– Настя, мы с Зиминим тоже считаем, что вся эта история с маньяком – просто для отвода глаз. Слишком многое в ней не сходится. Не похожи эти преступления на серийные. Но обсуждать это с тобой я, извини, не буду. Ты – дочь своей матери, а та – известный возмутитель спокойствия в нашем богоспасаемом городе. Как говорится, утром в куплете, вечером в газете. Что я не знаю, что ли?

– Лилия Юрьевна, зря вы так, – с упреком проговорила Настя. – Я с мамой секретами не делюсь, тем более чужими. У меня, знаете ли, работа такая, что быстро приучает держать язык за зубами. Ветлицкий меня сразу бы турнул, если бы заподозрил, что я информацию сливаю. У него же характер, вы наверняка знаете.

Сказав это, Настя прикусила язык, потому что адвокат Аркадий Ветлицкий приходился Лилии Лавровой первым мужем, так что про его несносный характер она знала больше других. Лилия же, видя ее смущенное лицо, рассмеялась:

– Брось, Настя. Это все такое древнее прошлое, что даже обсуждать глупо. Мы с Аркашей – родители взрослого и очень умного сына. И неплохие друзья, кстати. Так что на большую мозоль ты мне не наступила, потому что этой мозоли нет и быть не может. В том, что ты не сливаешь информацию, я уверена, но и мать твою давно и хорошо знаю. Она умеет узнавать то, что ей действительно интересно. Ей бы в следствии работать, а не в журналистике. Так что не расскажу ничего, не упрашивай.

Настя вздохнула и уронила на пол ручку, которую во время разговора крутила в руках. Ручка закатилась Лиле под стол, под него пришлось лезть, разумеется, стукнувшись головой о столешницу. Ойкнув, Настя плюхнулась на попу и потерла затылок, проверяя, не растет ли шишка.

Шишки не оказалось, но все равно было больно, и она какое-то время посидела под столом со страдальческим выражением лица, а потом вылезла, смущенно и виновато глядя на Лаврову, и во время всех этих манипуляций, конечно же, сумела рассмотреть открытые на экране Лилиного компьютера окна браузера. Лилия Лаврова изучала в интернете все, что было связано с фибринолизированной кровью.

Распрощавшись с неуступчивой знакомой, Настя вернулась в офис и тут же полезла в интернет. Фибринолизированная или, как ее еще называли, кадаверная кровь формировалась

в организме человека, подвергаясь естественному фибролизу внутри человеческого организма после смерти. Главной ее особенностью являлось то, что она не сворачивалась.

После остановки кровотечения в грудной или брюшной полости скопившаяся кровь становилась фибринолизированной. То же самое происходило и после смерти человека, когда в первые минуты кровь густеет и сворачивается, а спустя полчаса-час разжижается. Несмотря на курс криминологии, который Настя Пальникова сдавала в юридической академии, она не помнила про то, что трупная кровь наряду с донорской может использоваться для изготовления плазмы и различных трансфузионных препаратов.

Первое переливание трупной крови в России успешно провел в 1928 году врач Шамов, а профессор Юдин двумя годами позже впервые использовал такое переливание в клинике. И оба ученых в 1962 году, то есть спустя тридцать с лишним лет, получили за разработку своего метода Ленинскую премию.

Настя с интересом читала дальше. Из-за отсутствия в ней фибриногена фибринолизированная кровь не сворачивалась, а потому для ее хранения не требовались консерванты и стабилизаторы. Достаточно простого холодильника. При этом она обладала повышенной фибринолитической активностью, а поэтому ее с успехом можно было применять для лечения больных с повышенным тромбообразованием.

Более того, негативные последствия, которые мог выдавать человеческий организм при переливании ему донорской крови, в случае с фибринолизированной возникали в два раза реже. Да и количество препарата, который можно взять у трупа, в десять раз превышало количество крови, которую могли за один раз получить у живого донора.

Заготавливали фибринолизированную кровь от трупов людей, погибших от внезапной травмы, огнестрельного ранения, асфиксии, электротравмы, сотрясения мозга или инфаркта, в первые шесть-восемь часов после смерти. Что ж, все сходилось. Кто-то убивал мужчин с определенной группой крови, а потом сливал ее, используя для каких-то неведомых целей. Впрочем, какая-то мелкая деталь в прочитанном мешала Насте, потому что упорно не укладывалась в схему совершенных преступлений. Но вот какая?

– Настасья, ты работаешь над делом Крымовой? Я уверен, что ты помнишь, но ей назначено завтра на десять, и я бы хотел до этого времени посмотреть все твои наработки, – к Насте в кабинет заглянул шеф, и она быстро закрыла все вкладки, свидетельствующие о том, что последний час адвокат Пальникова занималась чем угодно, только не делом Крымовой и вообще не текущей работой.

– Я помню, Аркаша, – виновато ответила она.

Ветлицкого все в офисе называли Аркашей, и в этом привычном панибратстве скрывалось огромное уважение персонала к своему патрону, начинавшему в лихие девяностые с защиты братвы и не боявшемуся никаких сложных экономических и уголовных дел сейчас, в непростые двадцатые годы двадцать первого века.

Подводить Ветлицкого не хотелось, а потому Настя погрузилась в рутинные обязанности, которые привыкла делать хорошо. Над кровавыми тайнами можно подумать и позже, на досуге, тем более что Денис сегодня обслуживал большой юбилей и домой собирался вернуться поздно, не раньше часа, а то и двух ночи. Опять не выспится, потому что завтра ни свет ни заря подскочит готовить ей завтрак.

Настя дала себе зарок, что вечером нажарит сырников и испечет шарлотку, чтобы Денис хотя бы одно утро смог отдохнуть, и с головой погрузилась в перипетии бракоразводного процесса клиентки Крымовой, который сопровождался сложным и болезненным дележом имущества.

По дороге домой Настя не забыла заехать в магазин за творогом. Раздевшись и приняв душ, решительно прошла на кухню, чтобы встать к плите, но щелкнула кнопкой чайника и

потащила к себе стоящий на столе ноутбук. «Я только пять минуточек почитаю, – пообещала она себе, а потом обязательно приготовлю завтрак. Обязательно».

Опомнилась она, когда часы показывали без пятнадцати двенадцать, закрыла ноутбук и, зевая, отправилась в постель. От ее намерения приготовить сырники и испечь шарлотку не осталось и следа. Зато она успела узнать, что правила переливания трупной крови, открытые Сергеем Юдиным, в свое время утвердил Наркомздрав. По этическим соображениям из числа посмертных доноров сразу исключили детей.

Затем, но уже по соображениям физиологии, были исключены женщины. И этот факт вполне укладывался в схему. Неведомый убийца, на счету которого уже были три безвинных человека, нападал исключительно на мужчин. Возможно, именно потому, что женская кровь не годилась. Так и запишем.

В 1967 году в СССР функционировало более двадцати лабораторий по заготовке трупной крови, однако уже тогда стало понятно, что внедрить этот опыт повсеместно не получится. Слишком жесткими были критерии отбора. Донор должен был скончаться от очень узкого круга патологий, и доставить его в лечебное учреждение требовалось незамедлительно.

Медицина шла вперед. За сорок лет, прошедшие со дня Юдинского открытия, были выявлены новые опасные инфекции, а обследовать умершего донора было невозможно из-за отсутствия прописанного порядка. Итак, сегодняшняя медицина подобным методом не пользовалась. Наверное, исключительные случаи бывали, но Настя про них ничего в интернете не нашла. Закон, регламентирующий донорство тканей и органов, также оказался достаточно сложным и на кровь не распространялся. Так что было совершенно ясно – государственные лечебные учреждения сейчас от покойников кровь не заготавливали, пользовались донорской или кровезаменителями.

Но следствие шло именно по пути поиска человека, которому могла зачем-то понадобиться фибринолизированная кровь. Что ж, перечень ситуаций, когда она может использоваться, не такой уж и широкий, а значит, Лиля и ее коллега Зимин вскоре уже будут иметь на руках список пациентов, которым она может пригодиться. И вычислят нужного им человека до того, как он совершит новое убийство. Но это не маньяк, нет. Интуиция ее не подвела. Он совершает преступление с конкретной целью, а не для удовольствия.

Но при чем тут картина Левитана? Или все-таки это странное совпадение из тех, что редко, но все же случаются? По какому принципу преступник выбирал своих жертв? Откуда-то он же должен был узнать, что у всех трех мужчин, таких разных и незнакомых между собой, первая группа крови. По опыту работы Настя знала, что Зимин и Лаврова точно задаются теми же самыми вопросами и, возможно, в отличие от нее уже знают ответы.

Для начала Настя решила выпросить у Лены Золотаревой все, что той известно о погибшем Алексее Гольцове. Если кто-то из жертв и имел отношение к пропавшему и счастливо найденному Левитану, то точно он. Интересно, а то, что погибший Лопатин работал в автосервисе, а Дубинин на шиномонтаже – это совпадение или закономерность? Если последнее, то при чем тогда тут Гольцов, искусствовед на пенсии?

Вопросов было слишком много, намного больше, чем ответов. Да, завтра же с утра, как только станет прилично звонить по телефону в дом, где двое маленьких детей, она свяжется с Золотаревой, напросится на встречу и попытается раздобыть информацию. Конечно, следователи с директором картинной галереи уже встречались, но они могли же не заметить какую-нибудь деталь, которую она, Настя Пальникова, точно не пропустит.

Даже самой себе она не хотела признаваться в том, что отчаянно скушает по атмосфере расследования, в которое оказалась втянута несколько лет назад, когда познакомилась с Денисом. Тогда Настя даже не побоялась ночью вскрыть чужую опечатанную квартиру, чтобы забраться туда в поиске ответов на свои вопросы. Хорошо, что застукала ее там Соня, а не преступник или полиция. Неприятностей было бы не обобратиться и в том, и в другом случае.

Конечно, когда преступник потом похитил ее и хотел убить, Насте было не до смеха, но плохое забылось, а ощущение адреналина в крови вспоминалось до сих пор, и иногда Насте его ужасно не хватало. Она знала, что ни мама, ни Денис, ни Соня не одобрили бы ее тяги к очередной аванюре, если бы об этом узнали, но Настя была уверена, что сумеет провести свое маленькое расследование тайно, не посвящая в него родных и близких.

С этой мыслью она и погрузилась в сон, а проснулась уже, когда ноздри зашевелил аромат свежих сырников с малиной. Испек их, разумеется, Денис, который всю хлопотал на кухне, когда на пороге появилась заспанная Настя.

– Привет, несостоявшийся кулинар, – поприветствовал он любимую. – Я обнаружил в холодильнике миску с творогом и решил, что ты заказала мне сырники.

– Вообще-то я хотела сама их нажарить, чтобы тебе не пришлось опять так рано вставать, но сначала отвлеклась, а потом заснула, – покаянно призналась Настя.

– Ничего страшного. Ты же знаешь, мне это в радость, – откликнулся он и поставил на стол тарелку с воздушным чудом, очередным шедевром кулинарии. Впрочем, ничего другого Денис Менделеев делать не умел. Только шедевры. – А на что ты отвлеклась?

Все-таки он очень хорошо ее знал. Практически так же хорошо, как она сама, и Настя немного напряглась, понимая, что Дениса ей будет гораздо сложнее обмануть, чем, к примеру, маму.

– Читала про украденные и найденные картины Левитана, – отмахнулась она, увлеченно рассматривая сырники, чтобы не встречаться с Денисом взглядом. Сырники были чудо как хороши. Творение искусства. – Ты же знаешь, что меня Елена Николаевна Золотарева наняла, чтобы я представляла ее интересы в этом деле. Я решила, что надо немножко повысить общую грамотность, а то я так от нее отстаю, что прямо неудобно. Не люблю выглядеть дурочкой, ты же знаешь.

– А ты не финтишь, дорогая? – проницательно спросил Денис.

– С чего ты взял? – делано возмутилась Настя.

– Слишком много слов. Обычно ты так тараторишь, когда у тебя рыльце в пушку. Настюша, все в порядке? Ты ни во что не вляпалась? Я могу быть спокоен?

Настя соскочила со стула, подошла к Денису, взяла его за уши и серьезно посмотрела в глаза. Она не хотела, чтобы ее любимый волновался.

– Ты можешь быть совершенно спокоен, Дэн, – сказала она с нежностью. – Обещаю, что я не доставлю никаких проблем. Тем более что какие проблемы могут быть из-за Левитана?

– Тогда садись и ешь, – сказал Денис, смягчившись. – Сырники нужно есть горячими, иначе они потеряют всю свою воздушность. Садись, садись. Я тебе сейчас кофе налью.

Елене Золотаревой Настя позвонила из машины, по дороге в офис. Та если и удивилась, то виду не подала и поговорить согласилась. Они договорились, что Настя заедет в картинную галерею к концу рабочего дня, в шесть часов, и подвезет Золотареву до дома. Машину та не водила, и в отсутствие мужа это доставляло некоторые проблемы.

– Мне в детский сад нужно успеть до половины седьмого, – извиняющимся тоном объяснила Елена. – А он у нас довольно далеко. Мы же на берегу реки живем, у нас там свой дом. А садик во дворе нашей с дедом квартиры, так что концы довольно большие и логистически неудобные, особенно с двумя детьми и необходимостью зайти в магазин за продуктами. Вы очень меня выручите, если подвезете. А по дороге поговорим.

На том и порешили. Настя приехала к картинной галерее чуть раньше назначенного времени, припарковала машину, дошла до места, где был обнаружен тайник в стене. Кирпичная кладка зияла провалом, разумеется, пустым. Настя задумчиво оглядела валяющиеся на земле выпавшие кирпичи, подняла один, покачала на руке. Кирпич как кирпич. Ничего особенного. Если он и хранит какие-то тайны, то ни за что их не выдаст.

Она повернула голову и увидела выходящую из здания Золотареву. Помахала ей рукой. Елена Николаевна заметила ее, помахала в ответ и пошла навстречу.

– Интересуетесь обстоятельствами нашей находки? – спросила она, усмехнувшись краешком губ. – Понимаю. Однажды сама оказалась втянута в расследование и помню, как это было увлекательно. Но страшно. Ни за что бы не хотела повторить этот опыт.

– А я бы, кажется, хотела, – призналась Настя и, спохватившись, добавила: – Только я держу это в строжайшем секрете от мамы и моего молодого человека. Они бы не одобрили.

– Мой муж тоже не одобрил бы, – Золотарева засмеялась. – Если вы не против, пойдемте, Настя. А то у меня дети. Я не люблю заставлять их ждать.

– Да, конечно. – Настя сделала приглашающий жест в сторону своей припаркованной машины. – Елена Николаевна, а Алексей Гольцов имел какие-нибудь хронические заболевания?

Вот теперь ей удалось удивить Золотареву.

– Алексей Аркадьевич? – переспросила та и даже остановилась на мгновение, но тут же, видимо, вспомнив о детях, пошла дальше. – А при чем тут он и его болезни? Признаться, я про них ничего не знаю. Мы пересекались по работе всего пару лет, причем он был директором галереи, а я неопытной девочкой, только-только вышедшей на работу. Моим куратором и наставником была Мария Викентьевна Склонская. Удивительная женщина, мне так ее не хватает. А Алексей Аркадьевич, по-моему, даже не запомнил, как меня зовут. Он меня называл то Леночкой, то Ниночкой, то Жанночкой. А потом он вышел на пенсию, галерею возглавила Арина Романовна, и с ней уже мы вместе работали много лет. Простите, Настенька, но про Гольцова я совсем-совсем ничего не знаю.

– А с кем бы вы посоветовали мне переговорить?

– Если только с Ариной Романовной. Я знаю, что она периодически общалась со стариком, хотя и сама после выхода на пенсию ведет достаточно закрытый образ жизни. Да еще и болеет. Мне стыдно, но я уделяю ей не очень много времени. Своя жизнь затягивает. Работа, муж, дети. Не до посторонних людей, хотя я себя частенько за это ругаю.

– Вы предупредите Морозову, чтобы она со мной поговорила?

– Да, хорошо. Я ей позвоню, как только домой приду. Запишите ее номер.

Настя записала. В знак благодарности она довезла Золотареву сначала до детского сада, потом до продуктового магазина, а после – до дома. Дети (мальчик и девочка) у Елены Николаевны оказались чудесные: послушные, воспитанные и тихие. При этом сын был ее точной копией, а девчушка совсем другая, видимо, папина дочка.

Настя вдруг подумала о том, как будут выглядеть их с Денисом дети, когда они все-таки поженятся. Впервые за все время, которое они провели вместе, ей вдруг захотелось, чтобы это случилось как можно быстрее. И почему Менделеев не делает ей предложение? Зациклился на идее строительства собственного дома. А что, если на это еще лет десять уйдет? Ей внезапно стало грустно и немного страшно.

Высадив семейство у высокого забора добротного деревянного дома почти на самом берегу реки и мимолетно подумав, что земельные участки здесь, наверное, стоят целое состояние, Настя развернулась и поехала домой. Сегодня у Дениса должен был быть свободный вечер, и она радовалась тому, что они проведут его вместе. Пожалуй, она и про детей Золотаревой ему расскажет. Отправит сигнал, так сказать.

Она не доехала до дома пару кварталов, когда позвонила мама.

– Настеньш, – сказала та деловым тоном. Мама не умела разговаривать иначе. – У меня есть для тебя клиентка, но у нее не очень хорошо с деньгами. Сразу предупреждаю.

– Начало многообещающее. – Настя засмеялась.

– Когда я еще работала в редакции «Курьера», у нас была корректор Ольга Семеновна. Так вот речь идет о ее младшей дочери. Ты не поверишь, но она встречалась с тем самым молодым человеком, которому не повезло стать жертвой маньяка.

Настя насторожила уши. Надо же, какое совпадение.

– Ты про Тимофея Лопатина? – уточнила она.

– Да. Именно про него. Так вот Марина была его подругой, фактически невестой. После смерти выяснилось, что он готовился сделать ей предложение.

– Не повезло, – проговорила Настя, внутренне вздрогнув. Если бы что-то случилось с Денисом, то она бы это не перенесла. – И зачем ей понадобился адвокат? На часть наследства она претендовать все равно не сможет.

– Да бог с тобой, какое наследство... Просто Марина считает, что Тимофея убили не просто так. Не случайно. А в полиции, по ее мнению, не желают ее слушать. Жертв же три, и они никак между собой не связаны, так что поводов полагать, что преступник целенаправленно охотился именно за Тимофеем, нет.

– А может, и правда нет, – вздохнула Настя. – Кому мог помешать сотрудник автосервиса. Или ему мстят рассерженные клиенты? Или у этой Марины есть другие ухажеры, и она подозревает, что кто-то убил Лопатина из ревности?

– Вот встретиться с ней и выясни, что она подозревает, – сказала мама. – Ей нужен юрист, чтобы проконсультировать ее, как правильно себя вести с органами следствия, чтобы те ничего не упустили. Но еще раз повторю, что денег у нее немного. Она работает менеджером в каком-то магазине, кажется, строительном. Живет на зарплату, еще и Ольге Семеновне помогает. Настя, ты же не откажешься с ней поговорить?

Мама даже не подозревала, насколько подобная встреча в интересах самой Насти и ЕЕ расследования. Впрочем, о расследовании маме знать совершенно не нужно. Что ж, кажется, удача сама плывет в руки. Настя улыбнулась своим мыслям.

– Не откажусь, мам, – сказала она бодро. – Дай ей мой телефон. Пусть звонит.

* * *

Следователь Зимин внимательно изучил всю информацию по использованию крови от трупов, которую насобирала Лилия Лаврова. Получалась какая-то чушь. В современной медицине никто такую кровь не собирал, метод этот считался устаревшим вот уж лет пятьдесят, но раньше им лечили самые разные заболевания.

Сбрасывать со счетов историю о том, что кто-то решил заняться самолечением и таким образом добывает за раз до двух литров несворачивающейся крови, было нельзя, поэтому Зимин, заручившись разрешением областного Министерства здравоохранения, отправил оперов, участвующих в расследовании, системно отрабатывать все городские поликлиники.

Перечень болезней, которые в середине прошлого века лечили переливанием фибринолизированной крови, оказался довольно расплывчатым, а следовательно, обширным, так что список фамилий рос словно на дрожжах. Сначала из этого списка хотели вычеркивать детей, женщин и слишком возрастных пациентов, которые чисто физически были неспособны на то, чтобы лишить жизни взрослого мужчину, однако, по здравому размышлению, решили этого не делать, ведь преступление могли совершить не сами пациенты, а кто-то из их родственников, решивших, что чужая кровь – это панацея.

Особенное внимание уделялось тем пациентам, кто не мог смириться с диагнозом, требовал от врачей немедленного улучшения и настаивал на использовании все новых и новых методов лечения. Таких было вполне достаточно. Списки, и более узкий, и широкий, сверялись с перечнем родственников и знакомых всех трех жертв. Как-то же преступник выбрал среди

всех жителей города именно их – с первой группой крови, а значит, мог хотя бы отдаленно, но все-таки знать всех троих.

За три дня работы перелопатили огромное количество информации, но результат не радовал. Точнее, разумеется, среди огромного числа пациентов с подходящими диагнозами в маленьком городе нашлись знакомые трех потерпевших, но у всех из них на момент убийства было алиби, да и каждый пересекался в своей жизни только с одной жертвой, будучи незнакомым с остальными двумя.

Старший лейтенант Константин Малахов, назначенный ответственным за это направление, к концу третьего дня практически пал духом, чувствуя себя Сизифом, поднимающим в гору огромный камень, норовящий погрести его под собой, но тут ему явился ангел. В роли такового выступила свидетельница по убийству в сквере у гостиницы Анна Беседина, позвонившая лейтенанту Малахову по предусмотрительно оставленному им телефону и напряженным голосом сообщившая, что у нее есть некая информация, которая может иметь отношение к делу.

– А может и не иметь? – уточнил Константин, который умел вычленять главное.

– Да, – честно призналась свидетельница. – Возможно, я все это придумала, но мне кажется, что, когда речь идет о таких важных вещах, как расследование убийства, лучше сказать глупость, чем промолчать о важном.

С этим постулатом Костя согласился, тем более что на месте преступления и позже, когда она приходила в отдел давать показания, свидетельница ему понравилась. Маленькая, хрупкая и вся какая-то ладная. У нее было миловидное лицо с огромными глазами, такими темными, что они казались омутами. Выражение этого лица лейтенант Малахов охарактеризовал бы как независимое. Он знал, что свидетельница Беседина живет одна, работает фотографом, хотя имеет высшее юридическое образование.

На взгляд Кости, это казалось странным, потому что людей всех творческих профессий он не понимал и слегка побаивался, в глубине души считая бездельниками. Однако девушка производила впечатление вполне вменяемой и явно состоятельной. Джинсы и майки у нее были весьма приличных фирм, так же как и обувь.

Его наставник и любимый шеф Дмитрий Воронов всегда учил Костю обращать внимание на подобные мелочи и заставил неплохо в них разбираться. Рюкзачок у свидетельницы тоже был кожаный, фирменный и весьма недешевый. Так что то ли она хорошо зарабатывает на своих фотографиях, то ли у нее богатые родители, то ли есть человек, который за все это платит. На определенных условиях, разумеется. На этой мысли настроение у старшего лейтенанта Малахова заметно испортилось.

Что-то вспомнившую свидетельницу он пригласил зайти в отделение, она замаялась, и как-то само собой получилось, что Константин пообещал вечером после работы заехать к ней домой, чтобы поговорить о терзающих ее сомнениях за чашкой чая. Он искренне надеялся, что к чаю будет прилагаться еще и бутерброд, потому что за всеми своими бесконечными делами закутулся и не успел днем поесть.

К чаю прилагались и бутерброды с семгой и копченой колбасой, и маленькие пирожные «Корзиночки», и сам чай был таким, какой Костя любил с детства: очень горячим, благоухающим листьями смородины, крепким, сладким и с лимоном. Так заваривала чай Костина бабушка, и больше он не встречал ничего подобного ни в одном знакомом доме, а у Анны Бесединой вот встретил.

– Меня моя бабушка так научила чай заваривать, – серьезно поведала она, когда он высказал свое удивление ее чайным мастерством вслух. – Меня все детство к ней в деревню отправляли на лето, и там мы с ней по вечерам всегда пили чай. Особенно я любила чаевничать после бани, но и в обычные дни она не ленилась священнодействовать над заварочным чайником, а я смотрела и училась. Мама моя эту науку так и не освоила, а я смогла.

Мысль, что у них были похожие бабушки, которые очень любили чай, почему-то вселила в уставшего за день Константина бодрость. Кроме того, в квартире, где он сейчас находился, ничто не указывало на наличие в жизни Анны Бесединой какого-то мужчины. Типичная «холо-стяцкая» квартира, хоть и женская. У Малахова на такие вещи глаз тоже был наметанным.

Небольшая двухкомнатная квартира располагалась в многоквартирном доме, соседнем с гостиницей, в сквере которой произошло одно из преступлений. Малахов помнил, что несколько лет назад именно в этом доме, только в соседнем подъезде, были обнаружены два мумифицированных трупа, но к тому расследованию он отношения не имел.

Да, Анна Беседина явно не нуждалась в деньгах. Ремонт в квартире был сделан качественный, мебель тоже выглядела недешевой, а уж количество всяческой техники и вовсе вызывало трепет. Одних только фотоаппаратов Малахов насчитал четыре, не считая двух больших компьютеров – «яблочного» моноблока и еще одного с огромным экраном, большого профессионального принтера и каких-то приспособлений, назначения которых он даже не знал.

– Выгодное, выходит, дело работать фотографом. – Свой не очень приличный вопрос он задал вслух.

– Не жалуюсь, – коротко ответила хозяйка. – Но я долго к этому шла. Делала себе имя и среди заказчиков, и в крупных фотобанках и стоках. Это нелегко – зарекомендовать себя настолько, чтобы с тобой сотрудничали мировые журналы и крупные рекламные компании. Но я хотела этого и добилась.

– А юрфак тогда зачем окончили? – спросил Костя, откровенно ею любуясь.

Когда Анна говорила о своей работе, у нее горели глаза, и отблески этого внутреннего огня, кажется, очень горячего, ложились тенями на лицо, делая его еще выразительнее. Ему вдруг стало интересно, как оно меняется, когда эта девушка занимается любовью. От этой внезапной мысли ему тут же стало неловко, жаркое пламя залило лоб, шею и щеки, но собеседница, казалось, ничего не заметила.

– Родители хотели, – просто ответила она. – После школы папа настоял, чтобы я пошла в юридический, а мне не хотелось ругаться, да и понимала я, что образование не может быть лишним, тем более такое академическое. Но, исполнив их мечту, я отправилась воплощать свою.

– Здорово, – искренне сказал Костя. – Ладно, Анна, давайте перейдем к делу. Что вы хотели мне рассказать?

Она на мгновение посмурилась, видно было, что заколебалась, говорить или нет. Интересно, что же такое важное она знает. Женщинам этого типа, смелым и решительным, редко что-то кажется. Раз она считает, что информация заслуживает внимания, значит, так оно и есть.

– Понимаете, Константин, некоторое время назад, месяца три, наверное, если точнее, я прочитала в интернете о том, что в Великобритании недостаток доноров.

– Так. – Костя стал слушать внимательно, потому что слово «донор» сейчас имело самое непосредственное отношение к тому, чем он занимался. Вот только при чем тут Великобритания?

– В общем, мне попала на глаза переводная статья под заголовком «Сорокалетняя британка может ослепнуть без мужской крови». Суть ее в том, что некая женщина страдает неизлечимым заболеванием, которое называется «синдром Шегрена». Это аутоиммунное заболевание, при котором поражаются экзокринные железы: слюнные, потовые, сальные и в том числе слезные. Глаза не увлажняются, и на этом фоне теряется зрение. Единственным спасением от полной слепоты является сыворотка, которую делают из крови мужчин. У них она более богата плазмой и тромбоцитами, поэтому женская кровь не подходит. Однако число мужчин-доноров в Англии резко снижается, никто не хочет сдавать кровь, поэтому сыворотки для этой боль-

ной англичанки стало не хватать. Статья содержала призыв становиться донорами, но в нашем случае интересно не это.

– В нашем случае интересно то, что кому-то, имеющему такое же заболевание, может срочно требоваться значительное количество лечебной сыворотки, и этот кто-то может попытаться раздобыть кровь самостоятельно? – воскликнул Малахов.

Он точно помнил, что в перечне болезней, по которым они отбирали пациентов – кандидатов в подозреваемые, никакого синдрома Шегрена не было. Константин вообще впервые слышал о такой болезни.

– Как, вы говорите, называлась статья?

Анна уточнила название, и Костя вбил его в интернет, вывел статью на экран и прочитал с нескрываемым интересом. В принципе его собеседница изложила все достаточно близко к тексту. Интересно, и почему никто из медиков не назвал именно это заболевание? Россияне им не страдают? В их городе нет таких пациентов? А сколько еще потенциально важного они могли упустить при таком подходе?

– Спасибо вам, Аня, – сказал Константин с чувством в голосе. – Вы нам очень помогли. Это действительно важная информация.

– Правда? – Она так обрадовалась, что он даже умилился этой искренней, почти детской реакции на похвалу. – А я думала, что вы поднимете меня на смех. Даже подруге не стала рассказывать, она у меня такая серьезная, если припечатает словом, потом долго отходишь. Но Толик велел не стесняться и сообщить в полицию. Вот я вам и позвонила.

– Толик? – Настроение у Константина начало портиться.

– Да, это мой друг, еще с детских лет. Мы сначала в школе вместе учились, потом в институте. Это с его собакой я гуляла, когда труп нашли.

– А Толик ваш где был? Почему позволил, чтобы вы ночью по темным улицам ходили?

– На свидании. Или нет, на свидании он был до этого, а в ту ночь к родителям поехал, за город, у него бабушка заболела.

– На свидании? – Старший лейтенант Малахов решительно ничего не понимал.

Свидетельница вдруг засмеялась, словно хрустальные бусинки по полу рассыпались. Видимо, поняла, что вызывает столь явное недоумение гостя.

– Нет, мы не пара. Мы действительно просто друзья, поэтому свидания Толика ко мне никакого отношения не имеют, а за собакой я приглядываю по-товарищески. Впрочем, я вам об этом уже рассказывала. Той ночью, когда вы приехали по вызову и меня опрашивали.

– Вас следователь опрашивал, не я, – буркнул Костя, чувствуя, что настроение, пожалуй, и не портится вовсе. – Кто бы вам ни посоветовал, вы поступили совершенно правильно.

– Понимаете, Костя, дело в том, что это еще не все. В ту ночь, когда произошло убийство, я видела странную женщину. Она ночью шла по совершенно пустынной улице с бидоном.

– Бидоном?

– Да, у моей бабушки такой был. С ним ходили за молоком.

– И у моей бабушки бидон был тоже, – очередное житейское сходство наполнило старшего лейтенанта Малахова энтузиазмом. Все-таки свидетельница очень ему нравилась. Очень. – Только в нашей семье разливное молоко не покупали, а с бидоном ходили за квасом.

– Вот она несла именно такой бидон. Литра на два, наверное. И теперь я думаю, вдруг в нем была... кровь.

– А вы знаете эту женщину? В смысле, она вам знакома?

– Я не знаю, кто она и как ее зовут. Но периодически вижу на улице. Она живет где-то в нашем районе. У нее очень запоминающаяся внешность. Очень красные глаза, изъеденные уголки губ, сухая бледная кожа. И еще ходит она как-то странно. Движения такие, ломаные. Как будто у нее с суставами что-то или с костями. Она очень неприятная на вид. И каждый раз,

как я ее встречаю, со мной происходит что-то нехорошее. То я ногу подверну, то труп найду. А как-то карточку банковскую потеряла. Просто вестник несчастий какой-то, а не женщина.

– Думаю, что по такому описанию найти ее будет нетрудно. – Константин допил чай и поднялся, с сожалением отмечая, что беседа со свидетельницей закончена. – Я обязательно передам все, что вы рассказали, следователю. И если он захочет что-то уточнить, то непременно с вами свяжется. И, если вы разрешите, я тоже обязательно вам позвоню. Чтобы рассказать, что мы узнали.

– Спасибо, – серьезно сказала она. – Мне очень важно знать, что преступник будет найден. То, что он сделал, это ужасно, даже если это ему было необходимо для лечения, и случившееся – акт отчаяния.

– Вы очень хорошая, Анна.

– Зовите меня Нюсей, – предложила она. – Меня все так зовут. С детства повелось, я привыкла, и пугаюсь, когда меня называют полным именем. Есть в этом что-то официальное, а мы же сейчас не на допросе.

– Хорошо, Нюся, – улыбнулся Костя, просто физически ощущая, как за спиной у него вырастают крылья. – Еще раз спасибо вам и до встречи.

О том, что он узнал от Бесединой, Константин Малахов доложил следователю Зимину по телефону, решив не дожидаться утра. Информация казалась ему важной. Зимин выслушал внимательно, не перебивая. Хмыкнул, когда Костя закончил. По опыту старший лейтенант Малахов знал, что это хмыканье может означать что угодно. От крайнего скепсиса до полного одобрения.

– Очень сухие и красные глаза, изъеденные уголки губ, бледная, практически пергаментная кожа, странная походка, скованные, ломаные движения. Старлей, а ты знаешь, чей портрет сейчас описал? – спросил голос в трубке.

– Нет, я никогда не видел никого похожего, – признался Костя.

– А я видел. Более того, разговаривал с этим человеком в своем кабинете. Под описание, данное Бесединой, как нельзя лучше подходит бывший директор картинной галереи Арина Романовна Морозова.

Малахов длинно присвистнул.

– Не свисти, удачу спугнешь. Потому что если твоя свидетельница не ошиблась и не выдает желаемое за действительное, в момент убийства Тимофея Лопатина неподалеку была давняя добрая знакомая Алексея Гольцова, у которой явные проблемы со здоровьем. Ты завтра с утра проверь, не пересекалась ли она хоть как-то с Иваном Дубининым тоже.

– Ладно, порою, – пообещал Костя.

Эта работа не заняла у него много времени. Уже в десять часов утра старший лейтенант Малахов докладывал следователю Зимину, что родная тетка Дубинина приходилась Арине Морозовой соседкой по дому и частенько заходила к той на вечерний чай. Таким образом, связь между тремя потерпевшими сводилась к бывшей директрисе картинной галереи. И у следствия в связи с этим возникали к Арине Романовне новые вопросы.

* * *

Зачем она отправилась на похороны Тимофея Лопатина, Нюся не знала. Какая-то неведомая сила погнала ее на отпевание, хотя подобные мероприятия и царившую на них атмосферу она терпеть не могла. Почему-то ей казалось важным проститься с человеком, чье тело она нашла в кустах.

Обстановка в кафедральном соборе, разумеется, была гнетущая. Особенно Нюсе было жалко маму погибшего, которая плакала навзрыд, прижимая к себе девушку, сестру Тимофея.

А вот невеста погибшего выглядела каменным изваянием. На неподвижном, словно замерзшем до состояния льда лице ни слезинки. Прямая спина, немного вздернутые, словно зажатые бесконечным горем плечи... Вид у нее был при этом решительный, как будто девушка поставила перед собой какую-то цель с твердым намерением идти к ней до конца.

Народу собралось не очень много. Коллеги по работе, человек пять, три одноклассника, несколько подруг мамы погибшего. Вот, пожалуй, и все. Нюся вдруг физически ощутила всю несправедливость происходящего: неправильно это, когда молодой, здоровый, полный жизни человек, строящий планы по созданию семьи, вдруг умирает из-за того, что какому-то чудовищу понадобилась его кровь.

В том, что убийца – чудовище, Нюся даже не сомневалась. Она вышла из храма и присела на скамеечку под раскидистой яблоней. Вокруг валялись яблоки, прозрачные, с розовым бочком. Год выдался яблочным, они были повсюду и на базаре продавались за сущие копейки. Нюся вдруг подумала, что, наверное, надо купить и испечь шарлотку с корицей, чтобы в доме вкусно пахло надвигающейся осенью.

Лето за минувшую неделю постепенно сдавало свои позиции. Дождей по-прежнему не было, но изнуряющая, нехарактерная для августа жара спала, разрешив дневному воздуху прогреваться градусов до двадцати, не больше. Яблоки на зеленой траве выглядели так заманчиво, что Нюся дошла до машины, достала кофр с фотоаппаратом, который всегда возила с собой, и начала самозабвенно снимать.

В объектив ее камеры попадала то кладбищенская ограда с наколотым на острие пики пожелтевшим листом, то россыпь яблок вокруг узловатых, выступающих из земли корней, то бабочка, расправившая крылья на шершавой коре ствола, то муравей, деловито тащивший соломинку и петлявший среди трещин на асфальте. Она так увлеклась своей лучшей на свете работой, что опомнилась только, когда из ворот храма выехал катафалк, а за ним потянулась небольшая вереница машин. Значит, служба закончилась.

К лавочке, на которой недавно сидела Нюся, подошла женщина средних лет, тяжело плюхнулась на скамейку, стянула с головы платок, протерла им лицо. Дышала она тяжело и с подсвистом. Кажется, Нюся видела ее в храме во время отпевания.

– Может, вам воды? – спросила она участливо, подойдя ближе.

Она видела, что женщине нехорошо, а вода была у нее в машине.

– Да, если можно, – женщина смотрела благодарно. – Таблетку приму. Давление у меня поднялось от всего от этого. Так Светочку жалко, что сердце кровью обливается. Любимый сын. Неправильно это, когда родители переживают своих детей.

Светочкой, видимо, звали мать Тимофея Лопатина. Нюся сходила к машине и вернулась с бутылкой воды и бумажным стаканчиком, которые всегда возила в багажнике.

– Вы – родственница?

– Нет, подруга Светочки. Со школы дружим. Я и на кладбище хотела поехать, ее поддержать, да боюсь, не по силам мне это. Лучше вечером зайду. Это самое ужасное время, когда все расходятся, а человек остается один на один со своим горем. А вы Тимофею кто? Я вас в церкви видела.

– Никто, – призналась Нюся. – Так получилось, что именно я нашла его в сквере. Почему-то мне показалось важным сегодня тут быть. Не знаю почему.

– А что тут знать? По-человечески поступили. Значит, душа у вас есть. Душа – это же очень важно. Сегодня в охоте за материальными благами об этом многие забывают. Тимоша, кстати, тоже забыл про душу. Вот что я скажу.

Тимоша? А, видимо, незнакомка на правах старой подруги его матери так называла Тимофея Лопатина.

– А почему вам кажется, что он забыл про душу? – машинально спросила Нюся.

Не то чтобы ей было очень интересно, но раз уж завязала разговор, значит, его нужно продолжать. Женщина достала из сумочки какую-то таблетку, запила ее предложенной Нюсей водой, потом сделала еще пару глотков и, закрыв глаза, подставила лицо солнцу.

– Хорошо! – сказала она. – Даже удивительно, что в самых печальных обстоятельствах может быть хорошо. Так уж человек устроен, что умеет выискивать моменты для радости и удовольствия даже посреди боли и слез. И это правильно, иначе жить было бы совсем невозможно. А что касается Тимошиной души... Вы знаете, девочка, в какой-то момент ее начала разъедать зависть. Зависть – она же хуже ржи. Ничего не оставляет после себя, все превращает в труху.

– Зависть? – растерянно переспросила Нюся. Признаться, она ничего не понимала.

– Ну да. Тимоше, чтобы заработать, приходилось пахать чуть ли не в три смены. Руки у него, конечно, были золотые, его клиенты ценили и начальство тоже. Но на нем мать с сестрой были. Обе – медсестры в больнице, какая уж там зарплата. А он жениться хотел, квартиру купить, машину... Вот и злился на тех, у кого деньги изначально имелись. И ничего-то делать не надо, потому что ты уже с серебряной ложкой во рту родился.

– Отнять и поделить, – машинально сказала Нюся. – Вы извините, но мне всегда претили такие мысли. От них, знаете ли, революции случаются. Да, одним людям везет родиться в богатой семье, но с них и спрос, как правило, больше. Бизнес-империями надо уметь управлять, иначе легко профукать все, что родители создавали. А для этого способности нужны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.